

Каплан не щадит ни отдельные личности, ни народы... в полную меру раскрывая свое литературное дарование.

The New York Times Book Review

БАЛКАНСКИЕ ПРИЗРАКИ

ПРОНИЗИТЕЛЬНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
СКВОЗЬ ИСТОРИЮ

18+

РОБЕРТ КАПЛАН

Автор мирового бестселлера «Месть географии»

Роберт Каплан

**Балканские призраки.
Пронзительное путешествие
сквозь историю**

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 94(497)
ББК 63.3(47)

Каплан Р. Д.

Балканские призраки. Пронзительное путешествие сквозь историю / Р. Д. Каплан — «Азбука-Аттикус», 2003

ISBN 978-5-389-12781-4

В 1980-х гг. Роберт Каплан несколько лет провел в Греции как корреспондент. За это время он объездил весь Балканский полуостров, изучил его историю и завел друзей среди местных жителей. Так была написана книга путешествий «Балканские призраки», а у автора сложилось убеждение, что неискоренимая этническая рознь, ставшая результатом тяжелого исторического наследия и помноженная на бесчисленные современные проблемы, неизбежно приведет к кровавым конфликтам в этом регионе. Вскоре его предвидения оправдались. Поэтический травелог, проникнутый любовью к прекрасной природе Балкан, щемящей болью и горячим сочувствием к людям, оказавшимся заложниками собственной истории, привел автора к размышлениям, захватывающе интересным и значимым для всего человечества.

УДК 94(497)

ББК 63.3(47)

ISBN 978-5-389-12781-4

© Каплан Р. Д., 2003

© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Предисловие	6
Избранные комментарии автора	8
Введение	18
Карта Балкан	19
Пролог	20
Часть I. Югославия: историческая увертюра	28
Глава 1. Хорватия: «Только так они могут попасть в рай»	28
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роберт Каплан

Балканские призраки. Пронзительное путешествие сквозь историю

© Robert D. Kaplan, 2003

© Бавин С., перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство Колибри®

* * *

Предисловие

Сюжет «Балканских призраков» представляет собой историю, поучительную для авторов. В принципе это книга о моих путешествиях 1980-х гг., но в следующее десятилетие, когда разразился жестокий конфликт в Боснии, она приобрела политическое звучание, на какое я никогда не рассчитывал.

В 1980-х гг. я как внештатный журналист находился в Греции и освещал вооруженные конфликты в Африке, на Ближнем Востоке и в Афганистане. Балканы стали предметом моего особого внимания. Оттуда не поступало никаких новостей, но можно было почувствовать, что экономический спад, эрозия коммунистических властных структур и вся история этнического соперничества в какой-то момент способны привести к конфликту. В июле 1989 г., за несколько месяцев до падения Берлинской стены и буквально накануне кризиса с восточногерманскими беженцами, который мог ускорить это событие, я писал в *Atlantic Monthly*:

В 1970-х и 1980-х гг. мир был свидетелем ограниченности влияния сверхдержав в таких регионах, как Вьетнам и Афганистан. В 1990-х гг. эта ограниченность стала очевидна в регионах третьего мира и в самой Европе. Балканы могут оказаться определяющим фактором для завершения XX в. – таким же, каким явились в начале столетия.

30 ноября 1989 г., в тот месяц, когда рухнула Берлинская стена, я написал в *Wall Street Journal Europe*:

На руинах коммунистической Восточной Европы возникают две исторические концепции. Одна, «Центральная Европа», уже затерта журналистами до дыр; другую – «Балканы» – журналистам еще предстоит открыть...

Далее я предположил возможность этнического раскола в Югославии. «Балканские призраки» в некотором смысле родились из этого предположения.

Я закончил «Балканские призраки» в 1990 г., до того как в югославском конфликте прозвучали первые выстрелы. Несколько издателей отказались публиковать эту книгу. Они посчитали, что Балканы – слишком непонятный регион, чтобы рассчитывать на существенный объем продаж. Это характерная книга путешествий, и Босния – центр последней Балканской войны – не занимала много места в моих путешествиях 1980-х и 1990 гг.; в это время на Балканах можно было встретить относительно мало журналистов. В Македонии тогда не было даже стрингеров. Сейчас это международный очаг напряженности, где находится американский военный контингент из опасения, что война в Боснии может распространиться на юг.

Книга хорошо продавалась в переплете, а в обложке стала бестселлером. Мне рассказывали, что президент Клинтон, размышляя о необходимости принятия силовых мер для прекращения войны в Косове, вместе с супругой читал «Балканские призраки». Как говорили, история этнических противостояний, которую я описывал, укрепила пессимизм президента относительно этого региона и – по слухам – повлияла на его решение не начинать открытые военные действия в поддержку боснийских мусульман, которых осаждали боснийские сербы.

У меня это вызывает недоумение по двум причинам. Прежде всего, в «Балканских призраках» очень мало говорится о Боснии. Как увидит читатель, это субъективная, набросанная широкими мазками книга о путешествии по Балканскому полуострову, а не о политике. Только четыре из семнадцати глав посвящены бывшей Югославии. Из них одна о Хорватии, другая – о Сербии и Косове, третья – о Македонии и четвертая – о покойном диссиденте

Миловане Джиласе. Если политики, включая президента, могли принять судьбоносное военное решение, полагаясь на мою книгу, – это пугает. У меня лично сложилось подозрение, что в 1993 г., в начале своего президентского срока, Клинтон просто был настолько нерешителен, что искал любой повод, чтобы не предпринимать никаких действий.

Но это лишь подчеркивает вторую причину, по которой я с огорчением воспринимаю отношение к «Балканским призракам» как антиинтервенционистскому трактату: я лично был «ястребом» в этом вопросе. Начиная с первой половины 1993 г. я публично выступал на каналах CNN, C-SPAN, в разделе Outlook газеты Washington Post и на других форумах за военные действия в поддержку боснийских мусульман, даже преувеличивая способности американских наземных войск. О возможности вмешательства армии США я неоднократно говорил и в форте Ливенворт, и в Карлайл-Барраксе.

И я настаиваю, что нет никакого противоречия между книгой путешествий, которая высвечивает традицию этнического соперничества, и мыслью о том, что в наше время американская военная сила способна остановить такое кровопролитие в одной части Балкан. И вот почему.

Сложная история этнических взаимоотношений сама по себе не обязательно должна стать причиной потери сотен тысяч жизней в условиях, напоминающих холокост. Для такого бедствия нужны дополнительные факторы: замешательство и бездействие Запада, что, в свою очередь, создает вакуум власти. Без этих дополнительных компонентов ужасов 1990-х гг. могло и не быть.

В особенности хочу обратить внимание на ложность утверждения, что боснийцы – исторически миролюбивая нация. Очень достойные авторы отмечали традицию добрососедских межэтнических отношений, особенно в таких городах, как Сараево. Но эта этническая гармония часто балансировала на лезвии ножа. В коротком рассказе «Письмо из 1920 года» югославский писатель, лауреат Нобелевской премии Иво Андрич пишет об этой невидимой границе между любовью и ненавистью в Боснии, о «нежности и любовной пылкости», под которыми «в мутных глубинах скрываются бури ненависти, целые ураганы связанных, сплоченных между собой разных видов ненависти, которые вызревают и ждут своего часа»¹. Более того, нельзя не признать, что на протяжении большей части истории в Боснии существовали не только миролюбивые межэтнические традиции, но и раздоры, начиная с 1992 г. (и в 1941–1945 гг.). Боснийских мусульман убивали не президент Клинтон и не марсиане. Это делали другие боснийцы.

Но в таком случае что же делать? Что делать, если Балканы представляют собой кипящий этнический котел, который время от времени взрывается насилием? Добро пожаловать в реальный мир. Это не означает, что вы вторгаетесь в изоляционистский кокон. Вы вводите войска туда, где сложнейшие нравственные соображения пересекаются со стратегическими вне зависимости от характера местного населения. То, что происходит в Боснии, окажет непосредственное влияние на то, что происходит в Косове, Македонии, Албании, Греции и Турции – в местах, которые в одних случаях страдают от разваливающейся власти, в других – имеют соглашения с Соединенными Штатами о защите и обладают новейшим вооружением. Если посмотреть дальше, то, что происходит в Боснии, окажет существенное влияние, хотя и косвенное, на политику всей остальной Европы и России. Как говорил бывший заместитель государственного секретаря США по европейским делам Ричард Холбрук, мы не можем себе позволить провал в Боснии.

Апрель 1996 г.

¹ Перевод А. Соломатина.

Избранные комментарии автора

Следующие статьи публиковались в Washington Post и New York Times. Первая появилась вслед за выполнением Дейтонских мирных соглашений, вторая – во время дипломатических переговоров об организации военных действий союзных войск против Сербии в Косове, третья – в ходе войны, когда события, казалось, складывались неудачно для Запада, четвертая – по завершении этой войны, когда «Балканские призраки» подверглись критике, а пятая – в тот день, когда в результате свободных выборов был отстранен от власти Слободан Милошевич.

«НЕМЕДЛЕННО ОТЛОВИТЬ ЭТИХ ЗЛОДЕЕВ»

Washington Post. 10 июля 1996 г.

У президента Клинтона есть выбор: либо отдать войскам НАТО приказ в ближайшее время арестовать главных боснийских военных преступников, либо его вынудят это сделать позже в течение года. Это классическое президентское решение, которое может принять только он один: решение настолько символическое в контексте политики, которую мы стремимся проводить, что его значимость превосходит символизм.

Проведение выборов в атмосфере вопиющих угроз и ограниченной свободы перемещения, при которой беженцы не могут вернуться домой, – дело весьма сомнительное, но проводить их, когда главные, почти осужденные военные преступники сохраняют реальную политическую власть, – значит, в принципе, использовать демократию как средство легитимизации военных преступлений и этнического раскола. Пусть Радован Караджич, Ратко Младич и компания остаются на свободе, а войска НАТО в нашей самой выдающейся операции за океаном превратятся в полицейских апартеида, патрулирующих этнические Берлинские стены.

Эта неспособность действовать слишком хорошо знакома. Клинтон, международное сообщество и армия США ведут себя по отношению к новейшему вызову так же, как все они относились к вопросу о натовских бомбардировках до июля 1995 г. Клинтон предпочитает избегать жесткого выбора. Международное сообщество, сейчас в лице Карла Бильдта, опять произносит вялые угрозы лишь для того, чтобы через несколько дней от них отступить. Угроза Бильдта снова наложить на Сербию санкции, которая растворится через некоторое время, до боли напоминает множество пустых угроз со стороны ООН сурово поговорить с сербами. Что касается американских военных, то, вместо того чтобы четко очертить перед Караджичем и Младичем опасность быть арестованными (что следовало бы сделать), они тихонько прячутся за роль советников, чтобы активно лоббировать бездействие – как это делалось очень долго относительно ударов с воздуха.

Военные говорят журналистам, что «негодяи блокированы», хотя признают, что захват этих негодяев представляет слишком большую опасность. Однако даже притом, что сербские силы блокированы (что соответствует действительности, иначе нашу миссию на данный момент можно было бы считать проваленной), риск захвата заложников и другие формы мести сербов за захват Караджича и Младича, о чем теперь предупреждает Пентагон, гораздо меньше риска, существовавшего во время воздушных налетов в 1992–1995 гг., когда сербы обладали большей мобильностью.

Военные эксперты, равно как специалисты по региону, настолько хорошо осведомлены о сложных и разнообразных факторах, определяющих ситуацию на местах, что эти знания их едва не парализуют. Тем временем европейские официальные лица, такие как Бильдт, демонстрируют застенчивость и склонны предоставить Соединенным Штатам право при-

нимать важнейшие решения. Но у нас нет права обвинять Бильдта в слабости, если наши сухопутные силы ничего не предпринимают в отношении Караджича и Младича.

У Клинтона тоже его нет. Он не может поставить себе в заслугу организацию серьезных выборов без того, чтобы по меньшей мере арестовать тех самых персонажей, чьи преступления и этническая воинственность окажутся санкционированными через избирательные урны. Президент не может ни отменить выборы, ни поймать злодеев. Я выступал против проведения выборов на Балканах. Но, учитывая, что президент решительно на это настроен, он должен действовать. Если он начнет действовать сейчас, он наберет очки за решительность во внешней политике; если он сделает это позже, то вся ответственность все равно ляжет на его плечи, но очков он наберет гораздо меньше.

В ряду тяжелых решений по Балканам, включая решение о нанесении авиаударов в 1995 г., это выглядит относительно простым. В отличие от того времени сейчас мы в Боснии – доминирующая сила. Более того, НАТО – это не ООН. Молниеносный захват нескольких человек повлечет за собой не активизацию военных действий сербов, которые НАТО может легко подавить, а скорее остановит не только сербов, но и другие группы, подобно тому как повлияли на них бомбардировки, и приведет к более благоприятному развитию событий.

В середине 1995 г. несколько негодяев, пользуясь накалом этнических распрей, обусловленным историческими причинами и отягченным спадом югославской экономики в 1980-х гг., развязали войну. В тот момент Соединенные Штаты не смогли определиться со своими обязательствами. Сейчас эти обязательства ясны: стабилизация в Боснии и перевооружение НАТО. Эти задачи неразделимы, поскольку Босния – единственный регион, в котором войска НАТО вовлечены в боевые действия. И поимка этих негодяев – будь то военные преступники или плутониевые террористы – является прямой задачей НАТО (если организация хочет продолжать играть свою роль) и будет иметь гораздо большее значение в XXI в., по мере того как традиционные угрозы будут сокращаться, а нетрадиционные – нарастать.

Босния представляет собой мост из мира старых, знакомых угроз в мир новых и незнакомых. Настаивая на проведении выборов, Клинтон сделал поимку Караджича и Младича важным шагом для успешного перехода НАТО в этот новый мир. Редко когда нравственные соображения так тесно переплетаются с интересами национальной безопасности.

ПОЧЕМУ К БАЛКАНАМ НЕПРИМЕНИМЫ СООБРАЖЕНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

Washington Post. 28 февраля 1999 г.

Несколько лет назад я принимал участие в конференции, где интеллектуалы спорили о моральной ответственности Соединенных Штатов на Балканах. В ходе дискуссии упоминались и холокост, и философы-гуманисты. Все было очень впечатляюще. Когда я потом возвращался на такси в аэропорт, водитель спросил у меня: «Если там нет нефти, что нам там нужно?»

Это вопрос, на который не мог ответить ни один из интеллектуалов. Не может дать внятный ответ и администрация Клинтона, хотя и пытается (пока безуспешно) заключить соглашение по Косову, что позволит ввести большой контингент американских войск на территорию бывшей Югославии. Ирония заключается в том, что есть хороший ответ на вопрос, зачем мы на Балканах, – разумный, хотя и не простой, не имеющий никакого отношения ни к холокосту, ни к нравственности.

На протяжении ряда лет существовало два отношения к бывшей Югославии. Одно – высоколобых интеллектуалов, другое – прагматиков, хорошо понимающих пределы, до которых готово терпеть американское общество. Белый дом Клинтона с его типичным для

демократов нежеланием производить впечатление на интеллектуалов разрывался между этими двумя позициями. В случае Косова результатом стали моралистические пустые угрозы, за которыми последовали нерешительность и бездействие.

Интеллектуальная точка зрения на Балканы выглядит примерно таким образом:

Война в Боснии спровоцирована не столько этнической ненавистью, сколько отдельными негодяями, и ее можно прекратить в любой момент. Действительно, между мусульманами и христианами в Сараеве существует долгая история мирных взаимоотношений. Есть сербы, воюющие на стороне боснийцев, и боснийцы, воюющие на стороне сербов. Противоречий и парадоксов предостаточно, и поэтому характеризовать ситуацию в бывшей Югославии как межплеменную войну – значит дегуманизировать личности. Более того, памятуя о холокосте, Запад несет особую ответственность за предотвращение еще одного геноцида в Европе. В ином случае какой смысл в Первой и Второй мировых войнах?

Такая точка зрения частично подкрепляется тем фактом, что многие из поколения бебибумеров выросли с ложным представлением, что Вторая мировая война велась ради спасения евреев или должна была вестись по этой причине. Но спасение евреев как оправдание гибели американских солдат не помогло бы администрации Рузвельта удержаться у власти и в течение одной недели войны. Только когда японцы разбомбили Перл-Харбор и нацисты объявили нам войну, мы приняли решение сражаться. Настаивать на мысли о том, что наша миссия на Балканах – нравственная, при всем эмоциональном удовлетворении, отчасти неверно и совершенно не по теме. Десятки тысяч слов и сотни книг, написанных в последние годы о наших нравственных интересах в этом регионе, не перевесят одной фразы о наших национальных интересах.

Разумеется, если внимательно присмотреться к Боснии, так же как к Кавказу или Руанде, можно увидеть, что там происходит очень многое помимо этнических споров. Но это не означает, что следует преуменьшать этнический характер этих войн. Каждая война полна разрушающих мифы деталей. Тем не менее обобщение необходимо, поскольку в ином случае дискуссии будут парализованы. Четко очерченная линия политического поведения возникает не в результате научной деконструкции, а на основе размышлений по существу.

На самом деле в этом десятилетии в бывшей Югославии шла большая война и линии фронта определялись этническими разногласиями, у которых давняя и богатая история. Разумеется, если бы США действовали более решительно, эту войну можно было закончить намного быстрее. Но одна из причин, почему она не кончалась – и до сих пор не кончается в Косове, – в том, что ни администрация Клинтона, ни интеллектуальное сообщество не артикулировали четко и ясно национальный интерес, который немедленно восприняли бы миллионы рядовых американцев, людей типа моего таксиста, которого совершенно не интересуют тончайшие нюансы внешней политики.

Медиа как-то сделали посмешищем Джеймса Бейкера, который, будучи госсекретарем США, заявил, что Война в заливе велась «из-за рабочих мест». Но Бейкер гораздо успешнее сформулировал мысль о том, почему нужно направить американские войска в опасную зону, чем это удалось администрации Клинтона относительно Балкан. Если бы в Персидском заливе погибло еще больше наших солдат, общество все равно не выступило бы против администрации Буша. Если завтра в Боснии от взрыва террориста-смертника погибнет двадцать наших солдат, администрации Клинтона придется изобретать практически с чистого листа национальный интерес, который удерживает нас там.

История внешней политики США в этом смысле однозначна. Нравственных аргументов порой будет достаточно, чтобы направлять наши войска за рубеж, но как только войска начнут нести потери, потребуется сформулировать национальный интерес, который заставляет держать их там дальше. И он не имеет никакого отношения к нравственности. Взгляните на Сомали: большинство американцев поддержало интервенцию США, чтобы накормить

голодающих, но потребовало возвращения солдат домой, как только войска начали нести потери, – потому что не было сформулировано ни одного четкого национального интереса.

Наши войска находятся на территории Боснии уже три года, и вполне вероятно, что они останутся в этом регионе в ближайшие несколько лет, так что вполне логично предположить, что американская армия будет нести потери. Американское общество должно иметь основания смириться с этими потерями. В ином случае наши войска окажутся ограниченными в своих действиях до такой степени, что утратят всякое доверие – если не в Боснии, то в Косове наверняка. При неспособности четко сформулировать государственные интересы, не имеющие отношения к нравственности, такие, которые оправдывали бы нахождение американских солдат в опасной зоне, администрация цепляется за надежду, что никаких потерь не будет.

В данный момент на Балканах есть два варианта: империализм или анархия. Чтобы прекратить насилие, мы должны действовать так, как всегда действовали великие державы в этом регионе: как миротворцы-завоеватели. Пример нравственного решения, которого многие жаждут, можно найти в опыте римлян и австрийских Габсбургов, очень хорошо знавших, как его обеспечить. Они стремились к расширению территорий ради собственного экономического обогащения, улучшения стратегического положения и славы. В отличие от них у нас, в Западном альянсе, есть кучка людей, которые ведут себя как адвокаты по трудовым отношениям, решающие споры между сторонами так, чтобы всем все было предельно ясно, чтобы ни у кого больше не появлялось желания убивать американских солдат. Потому что, если это произойдет, наша политика надувательства рухнет.

Нравственное решение балканского насилия, как большинство нравственных решений, известных в истории, можно обеспечить только интересами, не имеющими отношения к нравственности. И такие решения, я уверен, существуют.

Две мировых войны XX в. можно было остановить раньше, сохранив бесчисленное количество жизней и сэкономив миллионы долларов. То же самое справедливо и в отношении Боснии, что могло бы избавить нас от риска и расходов, связанных с направлением войск на эту территорию. Но насилие в Косове может привести к чему-то гораздо более дорогому в плане денег и жизней наших солдат. Дело в том, что Косово – песчинка посреди очень нестабильного и важного региона, где Европа встречается с Ближним Востоком. На самом деле Европа сейчас делится заново по историческим и культурным границам. Образуются опасные новые альянсы, как перед Первой мировой войной. Предотвратить их нарастание – значит установить мир в Косове.

После принятия в НАТО Польши, Венгрии и Чешской Республики возникло две Европы. Есть Западная, католико-протестантская Европа, и Восточная, православная Европа, которая беднее, политически более нестабильна и больше страдает от организованной преступности. Это православное царство отгорожено НАТО, оно становится злее день ото дня и является яростно антимусульманским. Греция и Турция следят друг за другом в прицелы ракетного наведения, и каждая страна является частью динамичного и опасного нового культурного альянса. Театр военных действий, которые возникнут из разжигания балкано-ближневосточной ненависти, отнюдь не исключен. Да, Греция до сих пор является членом НАТО, но, если обстановка с безопасностью на Балканах ухудшится, она может втянуться глубже в необъявленный, но психологически реальный православный альянс.

Такие опасности, разумеется, гипотетические – как и многие, возникавшие перед двумя мировыми войнами. Необходимо не допустить их, остановив кровопролитие в Косове.

Если там продолжится война, она, вполне вероятно, приведет к дестабилизации в Македонии, представляющей собой эпицентр вековой борьбы между греческим православием и турецким исламом. Но Косово имеет огромное значение и по более важной причине. Остановить нарастающее разделение Европы, потенциально более опасное, чем разделение

периода холодной войны, потому что оно основано на религии и культуре, означает принятие как минимум еще одной православной страны (после Болгарии и Румынии) в НАТО. Но это невозможно, пока в Косове продолжается насилие. На самом деле война в Косове географически связывает Болгарию, потому что множество сухопутных торговых путей Болгарии проходит по южной части Югославии. Если мы скажем нашим европейским союзникам, чтобы они сами занимались Косовом, мы можем тут же распрощаться с Западным альянсом.

Можно сказать, что периодические небольшие войны и оккупации полезны для нас. Они позволяют американским и натовским вооруженным силам накапливать боевой опыт, оттачивать мастерство в преддверии возможных по-настоящему серьезных конфликтов. (Эйзенхауэр совершенствовал свои аналитические способности в преддверии Второй мировой войны, помогая реорганизации филиппинской армии в 1930-х гг., когда там находились наши оккупационные войска.) При отсутствии Красной армии в Европе многонациональный контингент войск НАТО теперь должен набираться опыта совместных действий, иначе наш альянс распадется. НАТО до сих пор сохраняет большое значение еще и потому, что Европа и ее окружение не настолько безопасны, как многим кажется. Кроме того, мы не одни несем ношу Боснии и Косова. Мы делим ее с нашими союзниками. Мир после холодной войны – место многосторонних операций именно потому, что всегда будут поводы для вмешательства, которые окажутся не совсем убедительными для любой отдельной страны.

Президент Клинтон, государственный секретарь Мадлен Олбрайт и представитель Соединенных Штатов в ООН Ричард Холбрук – очень хорошие коммуникаторы, и я не сомневаюсь, что они смогут сжато выразить многое из этого в непринужденной форме. Но говорить и писать для элитной аудитории недостаточно. Они должны раз за разом обращаться к среднему американцу через средства массовой информации. Потому что, когда войска начинают нести потери, это сразу же касается всей страны, а не только политической элиты. И это гораздо сложнее, чем причины Войны в заливе. Но в международных делах нравственные причины редко способствуют достижению нравственной победы.

НА БАЛКАНАХ «ЛОКАЛЬНОЙ ВОЙНЫ» НЕ БЫВАЕТ

New York Times. 7 апреля 1999 г.

Гуманитарная катастрофа в Косове может быть достаточным поводом для вмешательства НАТО в ситуацию в бывшей Югославии, но у Соединенных Штатов здесь есть жизненно важные стратегические цели. Эти цели оправдывают применение натовскими войсками любых мер, необходимых для поражения Сербии, в том числе использование сухопутных войск, потому что сейчас определяются не более и не менее чем контуры будущей Европы.

Когда в 1989 г., после крушения Берлинской стены, европейское разделение на Восток и Запад исчезло, немедленно, еще до начала войны в Югославии в 1991 г., стало формироваться новое разделение: между Центральной Европой и Балканами. Центральноевропейские страны – Польша, Венгрия и Чехословакия – резко опережали такие Балканские страны, как Румыния и Болгария, в плане продвижения к стабильному демократическому обществу.

У этих северных стран бывшего Варшавского пакта было несколько преимуществ: они были наследниками традиций Габсбургской империи и до начала Второй мировой войны и последующего прихода к власти коммунистов имели вполне развитый средний класс. Балканские страны веками страдали от византийского и турецкого абсолютизма, и даже до прихода к власти коммунистов их средний класс представлял собой мелкие песчинки в безбрежном море крестьянского населения.

Принятие Польши, Венгрии и Чешской Республики в члены НАТО формально закрепило этот опасный исторический и религиозный передел Европы: между римско-католическим и протестантским Западом и православным христианским и мусульманским Востоком.

Тем не менее кампания Слободана Милошевича в Косове сейчас дает Западу шанс повернуть вспять этот процесс. Реальная победа НАТО, которая не только обеспечит защиту косоваров, но и лишит Сербию позиции главной военной угрозы в регионе, станет большим шагом вперед к обеспечению стабильности на континенте.

Дело в том, что непосредственный эффект продолжающейся борьбы ощущается далеко за пределами стран бывшей Югославии, которые занимают лишь треть Балканского полуострова. Три самых крупных Балканских страны – Болгария, Румыния и Греция, даже притом что не испытывают непосредственной угрозы наплыва беженцев, которые досаждают Албании и Македонии, находятся в переломном моменте своей политической судьбы.

В Румынии, крупнейшей и самой густонаселенной Балканской стране, существует непрочный мир между православным христианским большинством и этническим венгерским меньшинством, представляющим и католиков, и протестантов и живущим на северо-западе страны, в Трансильвании. Это относительное спокойствие – значительное достижение, учитывая тот факт, что в XX в. каждая группа захватывала территорию другой.

Социальному спокойствию угрожает отсутствие модернизации в сельской местности и кабинетный хаос в Бухаресте. Экономические реформы движутся слабо, инвестиционный климат существенно ухудшается. В Румынии только армия чувствует себя хорошо. Хотя румыны – православные христиане, кошмарные воспоминания о мрачных сталинских десятилетиях заставляют их отчаянно стремиться в НАТО, что должно вывести армию из политики, усмирить политиканов-националистов и подтолкнуть элиту к формированию хорошего правительства.

Греция – наиболее неверно понимаемая из всех Балканских стран. Из-за наличия в стране среднего класса и членства в НАТО Запад требует, чтобы Греция вела себя так же, как остальные члены альянса. Но она не может, потому что расположена на Балканах и должна выстраивать свою внешнюю политику применительно к географическому положению. Греки понимают, что им суждено жить бок о бок с сербами и после того, как будут выведены натовские войска.

Более того, на протяжении многовековой турецкой оккупации греки получали поддержку от своих братьев по вере – православных сербов и русских. Этот исторический факт имеет огромное значение. К тому же греки, не испытав на себе советской оккупации и коммунистического режима, сохраняют романтическую привязанность к России, чего нет в Румынии и даже в Болгарии.

Греческое правительство по мере сил поддерживает Соединенные Штаты, невзирая на давление, оказываемое политическими радикалами левого и правого толка. Но если сербы унижат НАТО, греки будут действовать исходя из собственных интересов: их связь с НАТО сократится до официальных контактов, даже если они будут отрицать этот факт, и они начнут потихоньку укреплять связи со своими православными друзьями в Москве и Белграде. После сорока семи лет членства в НАТО Греция может быть потеряна.

Призывы к совести не сохраняют Грецию – ни де-факто, ни де-юре – членом НАТО, так же как не помешают Румынии и Болгарии все больше отдаляться от России. Требуется не более и не менее как полная победа сил НАТО. Греки и македонские славяне презирают друг друга; точно так же православные христиане презирают мусульман-косоваров. В этом регионе трудно ожидать сочувствия к исламским беженцам, которые разрушают хрупкий религиозный и этнический баланс в соседних странах, и без того страдающих от слабых правительств и высокого уровня безработицы.

Таким образом, если кампания бомбардировок проваливается и НАТО уступает за столом переговоров, это оставляет Европу в рамках средневековых границ, а новое расширение НАТО становится просто вариантом древней Священной Римской империи, то есть старым христианским Западом, а Ближний Восток начинается там, где когда-то проходила граница Османской турецкой империи, примерно по границе между Хорватией и Сербией и в Трансильвании, между этническими венграми и румынами.

В 1834 г., выезжая из Габсбургской империи в автономное княжество Сербия, входившее в состав Османской Порты, английский путешественник и писатель Александер Кинглейк писал: «Я приехал, как оказалось, на край колесной Европы, и теперь мои глаза увидят всю роскошь и хаос Востока». Такая же демаркационная линия может появиться вновь, если господин Милошевич не будет уничтожен воздушными и наземными ударами, а Косово и Македония не будут взяты под протекторат НАТО. Только западный империализм – хотя мало кому нравится использовать это слово – в состоянии теперь объединить Европейский континент и спасти Балканы от хаоса.

Стокбридж, Массачусетс

В КНИГЕ НАПИСАНО ТОЛЬКО ТО, ЧТО НАПИСАНО

New York Times. 13 июня 1999 г.

Ничто не обладает такой силой и не представляет такой опасности, как книга. Это я выяснил на собственном опыте. В 1989–1990 гг. я писал книгу путевых заметок «Балканские призраки» – о том, что увидел и услышал на Балканах в 1980-х гг., когда жил в Греции. В 1993 г., после того как в Югославии разразилась война, книгу использовали в качестве аргумента против американской интервенции. Говорили, что ее прочитал президент Клинтон и сделал вывод, что народы этого региона очень долгое время не жили в мире между собой.

Я бы не обратил внимания на такого рода сообщения, если бы, как многие другие, был противником интервенции. К сожалению – и я с тех пор не изменил своего мнения, – я таковым не был. С конца 1992 г. и до того момента, когда я пишу эту статью, я был и остаюсь откровенным интервенционистом. Это было легко выяснить, просто спросив меня или обратив внимание на то, что я говорил на телевидении или писал после публикации «Балканских призраков».

Читатель тоже несет ответственность. Я не знаю, что читал и не читал президент Клинтон и что повлияло на его решение относительно Балкан. Но в принципе любой президент должен рассматривать то, что он читает об отдаленном регионе мира, через фильтр национальных интересов. Любой президент не должен принимать решения о вмешательстве на основании эмоциональных симпатий и антипатий или на основании того, что данный регион имеет приятную или неприятную историю.

Он должен вмешиваться только тогда, когда его страна может получить выгоду от этого вмешательства: стратегическую, моральную или и ту и другую. И если уж поддерживать интервенцию в местах с трудной историей, по крайней мере, нельзя строить иллюзий относительно того, что сербы, к примеру, могут сделать в ответ.

Книги, особенно книги о путешествиях, не так часто читаются или используются неправильно. Дело в том, что автор-путешественник должен записывать впечатления от того, что существует в реальности в то время, когда он путешествует: то, что ему рассказывают люди, и обстановку, в которой ему это рассказывают, а не то, что, по мнению идеалистов, он обнаруживает.

Поскольку то, что он видит, может вызывать неприятные ощущения, такие репортажи оказываются полезными людям с изоляционистскими тенденциями, предпочитающим закрывать глаза на международные проблемы, вместо того чтобы постараться понять их. Никто не оспорит тот факт, что президент Клинтон в 1993 г. был человеком, которого всю его сознательную жизнь больше занимали несовершенства американского общества, нежели место Америки в мире.

Книги используются неправильно, когда читатель не владеет контекстом. Первая книга по любому вопросу может ошеломить, но к десятой читатель в состоянии определить для нее надлежащее место в ряду подобных благодаря расширению кругозора. К примеру, Ницше – опасный философ в руках самоучки или психопата, но в руках хорошо начитанного студента-философа Ницше полезен. То же самое относится к Макиавелли и прочим.

Но поскольку очень многие читатели не владеют контекстом, автор несет ответственность за то, чтобы погрузить их в этот контекст, особенно политический контекст, в самом начале книги. Именно это мне и не удалось сделать в «Балканских призраках», поскольку я никогда не предполагал, что книга о путешествии по региону в его последние моменты пребывания в неизвестности позже будет читаться как политический трактат.

Есть и другая проблема – тенденция политизировать любую книгу, и тут мы возвращаемся к ответственности читателя. Я, как и другие авторы, могу представлять в разных обликах – в моем случае как писатель-путешественник или как аналитик по международным вопросам. Я понимаю, что опыт путешественника – одно, а военно-политическое решение, принимаемое спустя несколько лет, – совсем другое. Слишком много комментаторов читают чей-то отчет о конкретном месте и оценивают его в категориях «прогрессивности» или «антилиберализма», «детерминизма» или «гуманизма», «интервенционизма» и т. д., в то время как реальный вопрос заключается в следующем: насколько живо представлены персонажи и ситуации, достаточно ли увлекается читатель, чтобы с нетерпением ждать, что будет на следующей странице, вызывают ли свидетельства автора у читателя желание больше узнать об этих местах и т. д. Книги путешествий – повествования, а не политические наставления.

Впрочем, реалисты все это знают. Им не нужно идеализировать регион, народ или его историю для того, чтобы предпринять какие-то действия, и поэтому им не нужно рассматривать книгу сквозь призму того, во что они хотят верить, пусть даже это президент, который в 1993 г. искал повод, чтобы ничего не делать, а в 1999 г. – вдохновение для того, чтобы сделать хоть что-нибудь.

Аишабад, Туркменистан

СУДЬБА ЮГОСЛАВИИ И ЕВРОПЫ

New York Times. 6 октября 2000 г.

Падение Слободана Милошевича в Сербии может уничтожить последние следы коммунистической партии в Восточной Европе, появившейся там в 1945 г. вслед за советской оккупацией. Хотя Югославия Тито порвала с Советским Союзом в 1948 г., югославские коммунисты в Республике Сербия не поддались контрреволюционной волне 1989 г., которая смела окружающие их коммунистические режимы.

Вместо этого они взяли на вооружение этнический национализм как средство сохранения своих вилл, охотничьих домиков и прочих привилегий власти. Господин Милошевич и его ближайшее окружение – не только военные преступники, крайние националисты и

мафиози, но еще и аппаратчики, обладающие бюрократическим ноу-хау проведения губительной политики.

Падение господина Милошевича должно открыть многие двери для реконструкции как в Сербии, так и в Боснии и Косове. Реальной задачей следующей вашингтонской администрации будет не столько проблема бывшей Югославии, сколько интеграция всего Балканского полуострова, включая Болгарию и Румынию, в Европу. На данный момент существуют две Европы. Юго-восточная часть континента – это группа нестабильных, бедных стран, имеющих в основном неблагоприятные политические и экономические перспективы. Подтверждение тому – поражение на этой неделе господина Милошевича.

Победа Воислава Коштуницы над господином Милошевичем – очередное подтверждение того, что Дейтонские мирные соглашения 1995 г., пусть и просуществовавшие недолго, сработали очень хорошо. Крушение криминального режима покойного Франьо Туджмана, если оно последует за крушением режима Милошевича в Сербии, будет означать, что Загреб и Белград перестанут быть источником проблем в Боснии, как это было раньше, что существенно облегчит задачи НАТО.

Хорватия и Сербия всегда будут искать возможности продвижения интересов своих этнических соотечественников в Боснии за счет друг друга и за счет боснийских мусульман вне зависимости от того, кто будет у власти – демократ или автократ. Но если обеим суждено перейти к демократии, вначале им предстоит консолидировать свою собственную власть через создание государственных институтов и благодаря помощи, которая может прийти только с Запада. И вполне вероятно, что поимка обвиняемых в военных преступлениях боснийских сербов Радована Караджича и Ратко Младича – просто вопрос времени, поскольку господин Милошевич уже не сможет прийти им на помощь.

И, если традиционная вражда между сербами и албанцами в Косове не прекратится, а, возможно, даже усилится по мере того, как этнические албанцы консолидируют свою власть и криминальные структуры, демократическая Югославия, по крайней мере, не будет источником проблем для НАТО в Косове в такой степени, как это было раньше. НАТО поистине становится имперским властелином в бывшей Югославии, поскольку исторически сложившееся влияние России на Балканах исчезает.

Но бывшая Югославия – лишь часть беспокойных Балкан. Расширяющийся разрыв между Центральной Европой и Балканами особенно заметен, если сравнить скорость, с которой развивается Румыния, чье 23-миллионное население превышает по численности население всех бывших югославских республик вместе взятых, и ее северо-западная соседка Венгрия. На этой неделе исполнилось десять лет с момента воссоединения Германии. За это время в Венгрию пришло в шесть раз больше иностранных инвестиций, чем в Румынию, хотя по численности населения она уступает Румынии вдвое. Средняя месячная зарплата венгров вдвое выше, чем у румын. Если не считать нескольких крупных городских центров, Румыния – это море нищеты, безработицы, устаревших заводов и фабрик и примитивного сельского хозяйства.

Первый с начала XX в. демократически избранный президент Румынии Эмиль Константинуеску покидает свой пост после четырех лет безуспешных попыток провести реформы. На ноябрьских выборах победу предрекают бывшим коммунистам. В отличие от Польши, где бывшие коммунисты вернулись к власти демократическим путем, румынские коммунисты ничуть не изменились.

В Болгарии обстановка не лучше. Безработица, коррупция, недостаточные темпы развития настолько заметны, что, согласно недавним социологическим опросам, только 4 % населения надеются на улучшение жизни, а 67 % считает, что живут хуже, чем до падения Берлинской стены.

Начиная с 1989 г. экономика таких католико-протестантских стран, как Польша, Венгрия, Словения и Чешская Республика, развивалась быстрее или, по крайней мере, испытывала меньшую стагнацию, чем экономика православных Румынии, Болгарии и Македонии и преимущественно мусульманской Албании. Балканы всегда были беднейшей частью Европы, но не настолько, как в настоящее время. В 1999 г. НАТО провело авиационную военную операцию против Сербии. Румыния и Болгария показали себя верными союзниками Запада, предоставив свои базы и право использования своего воздушного пространства. Среди населения этих стран появилась надежда, что великодушная помощь будет щедро вознаграждена. Но их ждало горькое разочарование.

Если эпоха Милошевича действительно заканчивается, на Балканах может зародиться новая надежда. Господин Милошевич потерпел поражение не из-за собственных ошибок и не из-за того, что сербы связывают надежды на лучшую жизнь с новым режимом, но потому, что американские демократические идеалы подкреплялись экономическим давлением и военной силой Запада. Военно-воздушная операция НАТО, сколь бы плохо подготовленной она ни была, в сочетании с экономическими санкциями и существенной поддержкой Западом югославской оппозиции положила начало процессу, который, судя по всему, выводит Сербию из категории стран-изгоев.

Президент Клинтон и госсекретарь Мадлен Олбрайт заслуживают одобрения за применение реалистичного принципа: для распространения каких-либо ценностей требуется ошущаемая сила. В 1930-х гг. нацисты использовали военное влияние и поддержку местных политических партий на Балканах, предоставляя им деньги, информацию, печатные станки и другую помощь. Неудивительно, что фашистские идеи обрели популярность. Мы не должны тешить себя иллюзиями о том, что распространение открытых обществ на Балканах и в других местах – естественный и неизбежный процесс. Только вследствие непосредственной экспансии американской имперской власти, пусть в мягком и недекларируемом виде, население этих стран увидит, что в их собственных интересах присоединиться к нашему курсу.

Разумеется, мир слишком велик и его проблемы слишком сложны, чтобы стабилизация осуществилась исключительно силой американской власти, но Балканы – регион, прилегающий к европейской зоне влияния НАТО, – естественный объект нашей экспансии. Перед новой администрацией встанет задача расширения НАТО до Черного моря и недопущения возвращения Балкан под влияние Ближнего Востока. Падение последнего коммунистического диктатора Европы представляет беспрецедентную возможность, но не решение проблемы нынешнего раскола Европы.

Вашингтон

Введение

В современном мире, где границы между культурами быстро стираются благодаря массовому туризму, роскошным отелям и спутниковым коммуникациям, остается все меньше и меньше возможностей для настоящих приключений. Но огромный поток информации означает, что происходящие события все быстрее и быстрее забываются. Следовательно, настоящее приключение может стимулировать человека использовать ландшафт как средство для знакомства с прошлым и историческим процессом.

Американский ученый Пол Фассел в исследовании «За границей: британские литературные путешествия между войнами» (*Abroad: British Literary Travelling Between the Wars*) пишет, что «секрет книги путешествий» заключается в умении писать так, чтобы «эссеистические рассуждения возникали естественным образом на основе лично пережитых реальных впечатлений». Иными словами, путевые записки в идеале – это умение исследовать историю, искусство и политику в наиболее живой манере. «Камни Флоренции» Мэри Маккарти и «Черная овца и серый сокол» дамы Ребекки Уэст, на мой взгляд, являются лучшими образцами такой литературы. Я старался, пусть и неуклюже, следовать их примеру.

«Балканские призраки» – не типичная книга путешествий. Повествование строится в особой манере, вертикально, от наиболее частного к наиболее общему: от эссе о военном преступлении (или его отсутствии) одного хорватского священнослужителя до рассуждений о падении империй. Мой опыт знакомства с каждой из стран различается. Я интенсивно поездил по Румынии, встречался с самыми разными людьми. С Болгарией я знакомился благодаря личной дружбе с одним человеком. По Греции я путешествовал гораздо меньше, чем жил в этой стране, точнее в Афинах, на протяжении семи лет. Надеюсь, различный стиль повествования отражает разнообразие моих впечатлений от Балкан.

Я не касаюсь таких регионов, как Черногория в Югославии и Марамуреш в Северо-Западной Румынии; Боснии и Албании уделено гораздо меньше внимания, чем они, безусловно, заслуживают. Несмотря на злодеяния, совершавшиеся против местного мусульманского населения, боснийский конфликт наиболее убедительно можно объяснить как продолжение сербско-хорватского противостояния. Поэтому я пишу о Боснии в главе, посвященной Хорватии. Рассказ об Албании включен в главу «Старая Сербия», потому что я решил объяснить сербов преимущественно через их исторический конфликт с албанцами-мусульманами. Сейчас, очевидно, внимание всего мира приковано к Югославии, но моя личная одиссея больше сосредоточена на Румынии и Греции, и в книге это видно. Балканы – полуостров, и Босния – лишь одна часть его. Если сегодня Босния постоянно возникает в заголовках новостей, то завтра ее место может занять другой балканский регион, поскольку весь полуостров входит в период катаклизмов, которые продлятся многие годы. Тем не менее ничто из того, что я написал, не следует воспринимать как оправдание, с какими угодно оговорками, военных преступлений, совершенных войсками этнических сербов в Боснии. На самом деле я их категорически осуждаю.

В 1980-х гг. я неоднократно – обычно тщетно – пытался заинтересовать издателей и широкую публику Балканами и назревающими там проблемами. Грустная ирония заключается в том, что мои худшие опасения оправдались. Одной из жертв этой войны стал журналист из ABC News, которого звали почти так же, как и меня, – Дэвид Каплан (мой второй инициал означает «Дэвид»). Надеюсь, эта книга поможет лучше понять регион, за репортажи из которого другой Каплан, которого я никогда не знал, поплатился своей жизнью.

Карта Балкан

Балканы, что по-турецки означает «горы», протянулись от Дуная до Дарданелл, от Истрии до Стамбула, и этот термин имеет отношение к некоторым территориям Венгрии, Румынии, Югославии, Албании, Болгарии, Греции, а также части Турции, хотя ни венгры, ни греки не приветствуют своего включения в этот регион. Это веселый, жизнерадостный полуостров, населенный жизнерадостными людьми, которые едят острую пищу, пьют крепкие напитки, носят яркие одежды, любят и убивают легко и обладают потрясающим талантом развязывать войны. Лишенные воображения люди Запада смотрят на них сверху вниз со скрытой завистью, фыркают на их королевства, насмехаются над их претензиями и боятся их жестоких террористов. Карл Маркс называл южных славян «этническим мусором». В двадцатые годы я, босоногий мальчишка, обожал их.

С. Л. Сульцбергер. Длинный ряд свечей

Ненавижу трупы империй, ничто так не смердит, как они.
Ребекка Уэст. Черная овца и серый сокол

Пролог

Святые, террористы, кровь и святая вода

Я продрог и брел на ощупь. Я специально выбрал этот кошмарный предрассветный час для посещения Печского монастыря в Старой Сербии. Духовное наставление Восточной православной церкви строго предписывает тяжкий труд и вознаграждает за него откровением о том, что ад и искупление в равной степени реальны. Если пришелец с Запада не готов прочувствовать это всем своим существом, он не может надеяться на понимание.

Я вошел в церковь Святых Апостолов, расписанную в 1250-х гг. Глазам нужно было привыкнуть к темноте. Минуты тянулись долго, как целые века, полные поражений. Я не взял с собой ни свечей, ни фонарика. Ничто не концентрирует волю лучше, чем слепота.

А слепому очи не мешают,
И одной он держится дороги,
Будто пьяный, за забор схватившись², –

писал Петр Петрович Негош в величайшей поэме на сербском языке «Горный венец». В ней массовое убийство «потурченцев» – славян, перешедших в мусульманство, – оправдывалось как способ выиграть местную битву против турок-мусульман³. Довольно быстро, по мере того как рассеивался мрак, я осознал, что такое настоящая борьба, отчаяние и ненависть.

Так передо мной открылся первый закон национального выживания: весь мир может быть создан из одного небольшого огонька. Мне понадобилось всего несколько минут, чтобы увидеть, как из мрака проступают лица – тревожные, изможденные лица из далекого сербского прошлого, демонстрирующие духовность и примитивизм, которые Западу лучше всего известны по героям Достоевского. У меня возникло ощущение, что я оказался в черепае, в котором горит коллективная память народа.

Видения обретали форму, галлюцинировали: святой Николай в пурпурной мантии, с черными пронзительными глазами у меня за спиной; святой Савва, покровитель Сербии и основатель этой самой церкви, прошедший водную преграду, чтобы предложить дары милосердия и вдохновения; вознесенный Иисус – лишенный человеческой сущности Бог в крестьянском обличье после окончательной стадии земных страданий, более устрашающий, чем любой завоеватель или мирская идеология.

Апостолы и святые перемешались со средневековыми сербскими королями и архиепископами. Они все изображены через кривое зеркало веры: удлинённые тела, монструозные руки и головы. У многих святых выпарапаны глаза. Согласно крестьянскому поверью, штукатурка и краска, которые использовались для изображения глаз святых, могут излечить слепоту.

Предрассудки, идолопоклонство? Это слова западного мышления. Мышления, которое, по словам Джозефа Конрада, «не имеет наследственного и личного представления о средствах, которыми историческая аристократия подавляет мысли, охраняет свою власть

² Перевод Ю. Кузнецова под ред. О. Кутасовой.

³ Петр Негош в 1830–1851 гг. был правителем и митрополитом Черногории – гористой местности, соседствующей с Сербией. Массовое убийство, которое он описывает, имело место примерно в конце XVII в. *Авт.* (Здесь и далее примечания с пометой *Авт.* принадлежат Роберту Каплану, все прочие сделаны переводчиком.)

и защищает собственное существование». В романе «Глазами Запада» Конрад пишет, что «западному гражданину никогда не придет в голову... что его могут избивать кнутами в качестве обычной меры наказания или допроса».

Эта церковь предупреждает: чем больше сгущается мрак, тем менее рациональным и более жестоким становится сопротивление.

«В Болгарии, Греции, Югославии, во всех странах Европы, что были под турками, то же самое, – горестно восклицает арестованная мадам Делчева, жертва сталинистских чисток, в романе Эрика Эмблера «Суд над Делчевым». – Тогда наш народ жил за стенами в маленьких мирах иллюзий... они разрисовывали стены сценами народной жизни. <...> Теперь, когда мы снова за стенами, привычки наших родителей и нашего детства возвращаются».

Расстояние, которое пришлось преодолеть этим монументальным формам, пока мои глаза привыкали к темноте, огромное: сквозь века османского владычества, самые жестокие войны и власть коммунистов. Здесь, в святилище догмы, мистицизма и варварской красоты, существует народная жизнь. Только отсюда она и могла появиться.

– Знаешь, как это, когда убивают молотками, гвоздями, дубинками?

Исмаил перекрикивал громкую музыку, по его лицу переливались яркие химические цвета прожекторов. Я еще был в Пече, в Старой Сербии, в диско-баре, популярном у албанских мусульман, недалеко от сербского монастыря.

– Ты знаешь, почему я не пью сливовицу, почему я всегда пью только пиво? Потому что четники [сербские партизаны периода Второй мировой войны] напивались сливовицей, а потом шли убивать! Ты знаешь, как это, когда детей подбрасывают в воздух и насаживают на штык на глазах у матерей? Когда привязывают к горящим бревнам? Когда тебе рубят зад топором, и ты умоляешь сербов, умоляешь их пристрелить тебя, а они этого не делают? А после этого идут в свою церковь. Идут в свою проклятую церковь. У меня нет слов... – Исмаила передернуло. – Есть вещи за пределами зла, об этом даже говорить невозможно.

Исмаил кричал. Ему было всего двадцать шесть лет, он лично не мог быть свидетелем событий, о которых рассказывал. Он сказал, что крысы заполонили его дом. Виноваты сербы.

30 ноября 1940 г., десять тридцать утра. В Бухаресте идет снег. В храме Святого Илии Горгани, построенном в XVII в. в честь румынского полководца, сражавшегося с турками, сотни свечей освещают образ Иисуса Христа в красном облачении, изображенного на куполе. По обеим сторонам нефа стоят гробы, покрытые зелеными флагами с золоченым шитьем. Алтарники на подносах разносят *коливо* (поминальное блюдо – пшеничная каша, политая медом). Священники Румынской православной церкви всю ночь пели псалмы и размахивали кадилами, готовясь к захоронению останков четырнадцати членов Легиона Архангела Михаила, фашистской Железной гвардии, включая лидера организации Корнелиу Зеля Кодряну, и последующей канонизации их как «национальных святых».

Два года назад полиция короля Кароля II повесила четырнадцать человек, а обнаженные трупы бросила в общую яму, залив тела серной кислотой, чтобы ускорить процесс разложения. Но в конце 1940 г. Кароль II бежал, и Румыния оказалась под властью режима Железной гвардии. Останки жертв, не более чем кучки земли, были выкопаны и помещены в четырнадцать гробов для перезахоронения. В конце поминальной службы собравшиеся услышали запись голоса покойного лидера легионеров Кодряну. «Вы должны дождаться дня, чтобы отомстить за наших мучеников!» – пронзительно воскликнул он.

Через несколько недель настал день мести. В ночь на 22 января 1941 г. легионеры Архангела Михаила, исполнив церковные гимны, повесив на шею мешочки с румынской землей, испив крови друг друга и окропив себя святой водой, захватили двести мужчин, женщин и детей в их домах. Легионеры погрузили жертв в грузовики и отвезли на городскую скотобойню – квартал зданий из красного кирпича в южной части Бухареста на берегу

реки Дымбовица. Ледяной ночью они заставили своих жертв – евреев – раздеваться догола и заползать на четвереньках на ленту конвейера. Конвейер потащил воющих от ужаса евреев к автоматическим устройствам для разделывания туш животных. Легионеры цепляли обезглавленные и лишенные конечностей окровавленные торсы на крюки и ставили штампы «пригодно для человеческого употребления». Туловище пятилетней девочки, подвешенное вверх ногами, «было залито кровью... как ягненок», свидетельствовал очевидец.

17 декабря 1989 г., десять часов вечера. В монастыре Молдовица в Молдавии⁴ слишком темно, чтобы рассмотреть фрески, но мать Татулица Жоржета Бенедикта представляет сцены Страшного суда: дикие звери изрыгают пожранных людей, на весах правосудия несколько добрых дел перевешивают многие злые дела, ангелы, нарисованные ярко-желтой краской, облаченные в знаки зодиака, символизирующие, что само Время подошло к концу.

Мать Бенедикта провела свои обычные восемь часов в молитвах. В отличие от Бухареста здесь нет стукачей, нет потайных микрофонов в исповедальне. В буковых рощах румынского крайнего севера у нынешнего режима – как и у турецкого давным-давно – «меньше глаз». Погода оказалась неожиданно теплой. На днях мать Бенедикта видела радугу, хотя дождя не было. В тот день она услышала об убийстве детей. Впервые в жизни она осталась на всю ночь в церкви и молилась.

«И тогда Бог творит свое чудо. Он вкладывает в голову Драко [дьявола] мысль о телевизионной встрече, на которой люди, которые больше не боятся, всячески оскорбляют Драко. И таким образом тот, кто убивал детей в Тимишоаре, как Ирод убивал младенцев в Палестине, оказывается казнен в тот самый день, когда родился наш Господь».

– В Румынии Библия жива, – заявляет мне мать Бенедикта. – Рождественская история повторилась. Теперь люди ходят на службу, чтобы молиться и осмыслить все свои исторические грехи.

В конце XVIII в., в самый черный час долгой ночи турецкой оккупации, болгарский монах по имени Рафаил провел двенадцать лет в стенах Рильского монастыря, вырезая деревянное распятие. На нем изображены 600 человеческих фигур, каждая величиной с рисовое зернышко.

– Сколько стоит такой крест? – восклицает отец Бонифаций, маленький горбун с развевающимися серо-стальными волосами, с бородой и мягкой, почти детской кожей, который живет за монастырскими стенами двадцать семь лет. И, отвечая на свой вопрос, снова кричит: – А какова цена человеческой жизни? Рафаил ослеп, вырезая это распятие!

Турки периодически нападали и разоряли Рильский монастырь. Каждый раз он восстанавливался. Ободранные своды, деревянные резные балконы, колокольня, комплекс фресок, в которых цвета обретают новую красоту на фоне горных снегов. Во время турецкого владычества в Рильском монастыре обитали 300 монахов. Когда в Болгарии власть перешла к коммунистам, их количество сократилось до двенадцати человек.

Двенадцать душ в населенных мышами коридорах, хранивших наследие целой нации! Там были запертые помещения, в которые веками никто не входил.

Теперь они все открыты.

Я вернулся в Рильский монастырь в 1990 г., через девять лет после предыдущего визита. Отец Бонифаций уже умер. Церковь, тогда темная и страшная, была полна прихожан. Потрескивал лес горящих свечей. В углу – фотография короля Бориса III, похороненного в монастыре в 1943 г. Коммунисты, придя к власти, в 1946 г. перенесли его захоронение. Вокруг фотографии Бориса – свечи, полевые цветы, хлебы причастия. Люди склоняются

⁴ В начале 1990-х гг., после распада Советского Союза, регион по обе стороны румыно-советской границы вернулся к своему румынскому названию Молдова. Но поскольку авторы книг путешествий, которых я цитирую, и люди, у которых я брал интервью, всегда говорили о Молдавии, я оставляю этот термин, чтобы не вносить путаницу в повествование. *Авт.*

и целуют ее. «Иисус Христос вернулся в Болгарию, – обыденным тоном сообщает мой проводник. – Мы должны заставить коммунистов сказать, где они захоронили Бориса. Теперь в Болгарии откроется много тайн».

«Кровь прольется в Северном Эпире», – гласят придорожные граффити близ северо-западной границы Греции с Албанией. «Северный Эпир», то есть Южная Албания, – историческая часть Греции, родина матери Александра Македонского Олимпиады и царя Пирра, чья непростая военная судьба запечатлена в выражении «пиррова победа».

Но на основании «позорного» Флорентийского протокола 1913 г., который включил «Северный Эпир» в «доныне не существовавшее мелкое государство Албания», Греция сегодня является «расчлененной» нацией, объясняет мне Севастианос, архиепископ этого пограничного региона⁵. На его карте Северный Эпир, в котором проживает почти полмиллиона греков, занимает 5 % албанской территории. Севастианос, которого некоторые называют «греческим Хомейни», по слухам, пытался внедрить вооруженных партизан на территорию Южной Албании для подготовки воссоединения этого региона с Грецией после падения власти коммунистов.

Мой автобус спускался по лабиринту известняковых каньонов, голых, безлесных, направляясь к государственной границе с Албанией. Телеги, запряженные волами, которыми правили бритоголовые солдаты, заполняли ухабистую дорогу. Толпы женщин в белых халатах и головных платках, с серпами и лопатами на плечах, молча брели с пшеничных и табачных полей. Многоквартирные дома, выстроенные из плохо скрепленных кирпичей и обшитые ржавыми железными листами, стояли на пустых площадках, окруженные колючей проволокой и бетонными бункерами. Все рукотворные предметы – грубые куски мыла, водопроводные краны, дверные ручки – демонстрировали примитивное убожество. Бурые и свинцовые дымы, висящие в небе, придавали всему ландшафту зернисто-желтую ауру старых фотографий. Под светом натриевых ламп я всматривался в лица этих этнических греков – жителей Албании. У всех было какое-то отсутствующее выражение. Они выглядели почти что теньями. В городке Саранда («Агиос Саранда» по-гречески) я зашел в один дом. Пять членов семьи сгрудились у старого черно-белого советского телевизора, чтобы посмотреть «Династию» и новости CNN по греческому каналу. «Как вам живется здесь?» – спросил я. «Все отлично. У нас есть все необходимое», – ответил глава семьи. Дети промолчали.

Старший сын отправился проводить меня до отеля. «Меня тайно крестили, – признался он в сумерках. – Я грек. Кем я еще могу быть? Я верю в Бога... Мы все здесь *фукараδες* [бедные несчастные ублюдки]». Через несколько дней двое греков из соседней деревни были убиты при попытке пересечь границу с Грецией. Их тела были повешены вниз головой на центральной площади.

Это был мир, в котором время остановилось: смутный период, в котором люди бушевали, проливали кровь, жили мечтами, впадали в экстаз. Но выражение их лиц оставалось отстраненным, застывшим, как на запыленных изваяниях. «Мы здесь все полностью погружены в нашу историю», – сказал мне Любен Гоцев, бывший министр иностранных дел Болгарии.

Здесь у меня возникла страсть к средневековым церквям и монастырям с их старинными книгами и фотографиями. По пути, встречаясь с людьми, я всегда расспрашивал их о прошлом. Только таким образом становится понятно настоящее.

Эти земли требуют любви к тайне. Я месяцами обшаривал антикварные книжные магазины, общался с книготорговцами. Я знал, что книги, которые лучше всего могли бы объяс-

⁵ В ходе Первой и Второй мировых войн греческая армия занимала Северный Эпир. Последний раз она оставила его в 1944 г. Официально «состояние войны» с Албанией сохранялось до 1988 г. *Авт.*

нить жесткость румынской революции декабря 1989 г., не публиковались десятилетиями, а некоторые и того больше.

Американский журналист и политический радикал Джон Рид в компании с художником Боурдменом Робинсоном с апреля по октябрь 1915 г. путешествовал по Сербии, Македонии, Румынии, Болгарии, Греции и Турции. Отчет об этом путешествии Рид опубликовал в книге «Война в Восточной Европе», которая вышла в 1916 г., за год до его поездки в Россию, которую он описал в книге «Десять дней, которые потрясли мир». Из всех книг Рида «Война в Восточной Европе» наименее известна. Мне пришлось выложить 389 долларов и 11 центов за первое издание с автографом автора. Карандашные рисунки прикрывает воощенная бумага. Рид пишет: «В возбуждении внезапного вторжения, отчаянного сопротивления, захвата и разрушения городов люди, кажется, теряют свои характерные персональные и национальные отличия и становятся похожими друг на друга в безумной демократии битвы». Рид предпочитал наблюдать их после того, как «они стали относиться к войне как к работе, стали приспосабливаться к этому новому образу жизни и говорить и думать о других вещах».

Мне хотелось поступить так же: увидеть забытые задворки Европы не в разгар революций или эпохальных выборов, а непосредственно после, когда разные народы *стали приспосабливаться к этому новому образу жизни*.

Среди старых фотографий мне попала фотография эрцгерцога Франца Фердинанда на военных маневрах близ Сараева 27 июня 1914 г., за день до его убийства – преступления, которое послужило поводом для начала Первой мировой войны. Лошадиные копыта взбивают пыль. Франц Фердинанд сидит, выпрямившись в седле, нога прочно стоит в стремях, сабля на боку. Бородатое лицо выражает явную принадлежность к более невинной и впечатлительной эпохе, к миру, имеющему смутное отношение к реставрации Меттерниха и находящемуся в неведении (пусть и последние дни и недели) относительно технологических жестокостей современной войны и тоталитаризма.

На другом фото изображен убийца Франца Фердинанда – боснийский серб Гаврило Принцип. На момент покушения ему не исполнилось и двадцати лет. Выглядит он обманчиво хрупким, но это – пружина мышц. Его взгляд полон животной энергии, он совсем не такой, как мертвый взгляд современных террористов, которые убивают с большого расстояния, с помощью автоматического оружия и бомб, приводимых в действие воздушными гироскопами.

С тех пор как были сделаны эти снимки, пролетели как единый миг, самые напряженные семьдесят пять лет мировой истории. Но при сравнении с лицами людей, которых я встречал на пути, и с голосами, которые я слышал, эти фотографии уже не кажутся столь старыми.

Белград, Бухарест, София, Афины, Адрианополь. Это были самые притягательные точки для амбициозных журналистов, своего рода Сайгон, Бейрут и Манагуа более ранней эпохи. Эрнест Хемингуэй в 1922 г. отправил один из своих самых знаменитых репортажей из Адрианополя (ныне Эдирне в турецкой Фракии), в котором описал, как греческие беженцы «слепо бредут под дождем» со всеми своими пожитками, сваленными на повозки, запряженные волами.

Балканы с самого начала были третьим миром, задолго до того, как западная пресса придумала этот термин. На этом гористом полуострове, граничащем с Ближним Востоком, газетные корреспонденты писали первые в XX в. репортажи об исчерченных грязью маршах беженцев, сочиняли первые книги в жанре гонзо-журналистики и путевых дневников в ту эпоху, когда Азия и Африка казались еще где-то слишком далеко.

Что бы ни происходило в Бейруте и других подобных местах, сначала, задолго до этого, происходило на Балканах.

Балканы породили первых террористов XX в. ВМРО (Внутренняя македонская революционная организация), существовавшая в 1920–1930-х гг. на деньги болгарских спонсоров с целью возвращения частей Македонии, захваченных Грецией и Югославией после Второй Балканской войны, – это прототип Организации освобождения Палестины. Подобно современным шиитам из южных пригородов Бейрута, киллеры ВМРО, приносившие клятву на оружии и православной Библии, были выходцами из безродного сельского пролетариата трущоб Скопье, Белграда и Софии. Захват заложников и массовые убийства невинных людей были в порядке вещей. Даже фанатизм иранского духовенства имеет прецеденты на Балканах. Во время Балканских войн 1912 и 1913 гг. греческий епископ в Македонии распорядился убить болгарского политика, а отрубленную голову доставить в храм, чтобы сфотографировать.

На Балканах зародилась история XX в. Здесь нищета и этническое соперничество разделяли людей, обрекая их на ненависть. Здесь политика была сведена почти до уровня анархии, которая время от времени поворачивала течение Дуная в сторону Центральной Европы.

Нацизм, к примеру, может претендовать на балканские корни. В венских ночлежках, этом рассаднике этнических обид, близких южному славянскому миру, Гитлер учился столь заразной ненависти.

Как выглядит земля, на которой люди совершают чудовищные преступления? Есть ли там дурной запах, или гений места, или что-то в ландшафте, способствующее злодеяниям?

Я отправился в путешествие из Центральной Европы, из Нюрнберга и Дахау, но там я почти ничего не почувствовал. Эти места превращены в музеи; они больше не живут и не извергают огонь. Сохранившаяся стена стадиона, где проходили массовые сборища нацистов, теперь часть корта для сквоша, в который играют немецкие яппи.

Впервые я что-то почувствовал в Вене. Вольфганг Амадей Моцарт в австрийской столице удостоен памятника, его именем названы улица и площадь. Доктор Карл Люгер удостоен более крупного памятника, в его честь названа более крупная улица в самой величественной части Рингштрассе – Доктор-Карл-Люгер-Ринг⁶: здесь расположены здание парламента в стиле неоклассицизма, университетские здания эпохи Ренессанса, барочный Бургтеатр, готическое здание ратуши и Фольксгартен (Народный сад).

Люгер, бургомистр Вены начала XX в., наряду с Георгом фон Шонерером, другим австрийским политиком того же периода, считается отцом политического антисемитизма. Адольф Гитлер пишет в *Mein Kampf*: «Я считаю этого человека величайшим немецким бургомистром всех времен... если бы доктор Карл Люгер жил в Германии, он бы находился среди величайших умов нашего народа». Гитлер пишет, что свои идеи он почерпнул непосредственно у Люгера. Вечером 29 мая 1895 г. Теодор Герцль, узнав, что Люгер победил на выборах в Венский городской совет, сел за стол набрасывать план исхода евреев из Европы.

Я смотрел на памятник Карлу Люгеру на площади Карла Люгера (не путать с Доктор-Карл-Люгер-Ринг). В роскошном наряде, с рукой прижатой к сердцу, *der schöne Karl* («прекрасный Карл») устремил взгляд в будущее. Постамент украшен фигурами обнаженных по пояс рабочих, вооруженных лопатами и кирками.

В современной Германии такой памятник стал бы причиной скандала. Но в Австрии не извиняются. «Карл Люгер был величайшим бургомистром Вены, – сказал местный австрийский журналист, пожав плечами. – На самом деле он не был антисемитом. Он использовал антисемитизм только как политический метод».

Я двигался дальше. Меттерних говорил, что Балканы начинаются с Реннвег – дороги, ведущей на юго-восток от Вены.

⁶ 19 апреля 2012 г. улица переименована в Университетский бульвар.

Чем ближе оказываешься к восточной или южной окраине немецкоязычного мира, другими словами, чем ближе оказываешься к представляющим угрозу и более многочисленным славянам, тем более нервным и опасным становится германский национализм. На восточной границе германского мира, в Померании и Силезии, немцы оспаривают законность польской границы. На юге, в Австрии, где в «германских» венах на самом деле течет кровь славянского мира, отрицание этого неоспоримого факта принимает форму косной пангерманской паранойи.

Я приехал в Клагенфурт, столицу южной австрийской федеральной земли Каринтия, известный как «Эльдорадо для бывших нацистов». Из Каринтии, если считать пропорционально размерам, вышло больше охранников лагерей смерти, чем из любого другого региона Австрии или Германии. В 1980-х гг. в Клагенфурте возникло движение за сегрегацию школ: не приведи господи, если немецкие дети будут учиться вместе со словенцами, которые являются этническими славянами. Я побывал в офисах правой политической Партии свободы и *Kartner Heimatdienst*⁷ – полувоенной организации, основанной после Первой мировой войны и воскресшей – с неонацистской ориентацией – в 1950-х гг. Я попытался спровоцировать партийного представителя. Но был разочарован.

Вопрос: Симон Визенталь говорил мне, что любая политическая партия в демократической стране типа Австрии, которая использует в своем названии слово «свобода», является либо нацистской, либо коммунистической. Что вы на это скажете?

Ответ: Герр Визенталь очень уважаемый человек. Он имеет право на свое мнение. Тем не менее позвольте пояснить, чем мы отличаемся...

Мне сказали, что идея Великой Германии, включая Австрию, умерла. Австрийские правые заинтересованы только в сохранении чистоты немецкого языка в лингвистически пограничном регионе.

Стены офиса Партии свободы украшают не лозунги или старые полковые фотографии, а безвкусовые произведения современного искусства. Затем следующее разочарование: на улицах Клагенфурта я увидел не опасный коричневорубашечный провинциализм, а самый настоящий праздный класс, о котором писал Торстейн Веблен.

Подростки явно из богатых семей рассекали на раскрашенных во все цвета радуги маунтинбайках. Я видел мужчину в малиновом замшевом блейзере и очках от Giorgio Armani и женщин в одежде от Jil Sander и Gerlain, в шелковых шарфах самых изысканных осенних тонов. Если не обращать внимания на тонированные, в хромированных рамах окна офисов, здания в псевдобарочном стиле напоминали изящно нарезанные ломтики вишневого торта «Шварцвальд». Модели железных дорог, сумки и чемоданы от Samsonite, космические станции Lego и schmuck (ювелирные украшения) от Тиффани заполняли стеклянные витрины, выставленные посередине тротуаров. В паре шагов от магазина Mothercare в другой лавке продавалось женское нижнее белье из Парижа – столь же дорогое, сколь и неприличное. Парфюм продавщицы-блондинки имел явно выраженный потный, животный запах.

Потомки эсэсовцев стали ухоженными, дрессированными тиграми, безопасно размещенными в домах-коробочках среднего класса.

Все куда-то спешили по своим делам. Единственные баннеры, которые мне попались на глаза, рекламировали компании кредитных карт. В витрине туристического агентства Израиль был представлен лишь как одно из зимних направлений отдыха для местных солнцепоклонников. Правовверные сторонники Партии свободы и Heimatdienst были надежно изолированы и вынуждены поддерживать облик респектабельности. Вместо антисемитизма и прочих традиционных крайностей здесь торжествовал безудержный консьюмеризм. Каринтийцы стали одомашненным видом.

⁷ Название этой общественной организации можно перевести как «Служба Отечеству земли Каринтия».

Начиная с 1989 г. Партия свободы, стремясь увеличить свое представительство в парламенте, все больше и больше говорит о сотрудничестве со словенцами. Старый охотник за нацистами Визенталь объяснил мне причину: «При отсутствии экономического кризиса Партии свободы не остается ничего иного, как адаптироваться». Для излечения зла, застывшего в его скелетной форме, говорил этот *старец*, требуется не покаяние и страдания, а седативное воздействие буржуазной демократии и процветания на протяжении не одного десятилетия. Только тогда система настолько окрепнет, что на нее не повлияет даже экономическая катастрофа.

Начиналось последнее десятилетие XX в. Я поверил Визенталю, а не Меттерниху. Балканы отныне начинаются не от ворот Вены и даже не от Клагенфурта.

На южной границе Австрии с тем, что некогда было Югославией, отопление, даже в вагонах первого класса, отключили. Вагон-ресторан отцепили. То, что появилось на его месте, оказалось всего лишь помещением с цинковой стойкой, за которой продавали пиво, сливовицу и вонючие сигареты без фильтра. С каждой остановкой у стойки скапливалось все больше людей с грязными ногтями. Они курили и пили. Когда они не кричали друг на друга и не заглатывали алкоголь, то тихо коротали время за порнографическими журналами. В отличие от их австрийских коллег-работяг у них не было причесок в стиле унисекс, и они явно не планировали провести зимний отпуск в Тунисе или Израиле. Если бы Партии свободы и Heimatdienst повезло заполучить здесь бедный нативистский избирательный округ, они могли бы запросто отбросить свое современное искусство и обманчиво нейтральные ответы на вопросы корреспондентов.

Снег бил в окно вагона. Клубы черного угольного дыма поднимались из кирпичных и железных труб. Здешняя земля имела вид грубой, изможденной проститутки, грязно ругающейся между приступами кашля. Ландшафт злодеяний оказался легко узнаваем: коммунизм оказался Великим Таксидермистом.

У меня было мало времени. Вскоре, к концу 1990-х или в следующем десятилетии, этот холст потускнеет, как это уже произошло в Клагенфурте.

Часть I. Югославия: историческая увертюра

Я приехала в Югославию, чтобы увидеть историю в ее плоти и крови.

Ребекка Уэст. Черная овца и серый сокол

Глава 1. Хорватия: «Только так они могут попасть в рай»

Прошлое в Загребе лежало под ногами: мягкий, толстый ковер листьев, мокрых от дождя, в котором тонули мои ноги, тем самым привнося в него настоящее. От железнодорожного вокзала я шел сквозь полосы тумана, желтоватого от горящего угля, химического эквивалента сжигаемой памяти. Туман двигался быстро, в его разрывах время от времени можно было четко увидеть кованую железную решетку или барочный купол. Я понял, что это – тоже прошлое: просвет в тумане, сквозь который что-то можно различить.

Столица бывшей югославской республики Хорватия – последний европейский город с железнодорожным сообщением, в который путешественник совершенно ожидаемо может прибыть поездом, поскольку отель «Эспланада», построенный в 1925 г. и до сих пор считающийся одним из лучших отелей мира, находится всего через улицу от вокзала.

Величайшая книга путешествий XX в. начинается с Загребского железнодорожного вокзала дождливой весной 1937 г.

В 1941 г., когда впервые была опубликована книга дамы Ребекки Уэст «Черная овца и серый сокол», New York Times Book Review назвало ее апофеозом жанра путешествий. Обозреватель New Yorker заявил, что ее можно сравнить только с книгой Т. Э. Лоуренса «Семь столпов мудрости». Строго говоря, эта книга – рассказ о шестинедельном путешествии по Югославии⁸. Говоря в целом, эта книга, как сама Югославия, – самостоятельный, широко раскинувшийся мир. Двухтомный, состоящий из полумиллиона слов энциклопедический реестр страны; династическая сага Габсбургов и Карагеоргиевичей; диссертация по византийской археологии, языческому фольклору и христианской и исламской философии. Книга представляет также увлекательнейший психоанализ немецкого мышления и корней фашизма и терроризма, уходящих в XIX столетие. Она была предупреждением, почти идеальным провидением опасности, которую представлял для Европы 1940-х гг. и последующих десятилетий тоталитаризм. Эту книгу, как Талмуд, можно перечитывать бесконечно, находя в ней все новые смыслы.

«Если бы Ребекка Уэст была богатой женщиной Средневековья, она могла бы стать великой аббатисой. Если бы она была бедной женщиной XVII столетия, ее бы сожгли на костре как ведьму», – пишет Виктория Глендиннинг в книге «Ребекка Уэст. Биография» (Rebecca West: A Life). Глендиннинг называет «Черную овцу и серого сокола» «центральной книгой» Ребекки Уэст, автора еще двадцати романов и публицистических книг, молодой любовницы Г. Д. Уэллса, социального изгоя, сексуальной бунтовщицы, которая на протяжении всей жизни конструировала «свои взгляды на религию, этику, мифологию, искусство и отношения полов».

Само название книги – атака на христианскую доктрину распятия и искупления, согласно которой Иисус, принеся себя в жертву, искупил все наши грехи перед Богом.

⁸ Хотя Югославии, как известно, уже нет, этот термин до сих пор полезен как географическое и культурное определение, поскольку слово означает «страна южных славян». Почти все остальные славяне Евразии живут гораздо севернее. *Авт.*

«Черная овца» представляет собой животное, которое принесли в жертву на мусульманском обряде плодородия в Македонии. «Вся наша западная мысль, – пишет Уэст, – основана на отвратительном представлении, что боль – достойная цена за любое доброе дело». «Серый сокол» символизирует трагическую реакцию человечества на принесение в жертву «черной овцы». В сербской поэме пророк Илия, обратившись в сокола, предлагает сербскому полководцу выбор между земным и небесным царством. Полководец выбирает последнее, возводит церковь вместо того, чтобы готовить войско, поэтому турки наносят ему поражение. Иными словами, неистовствует автор, перефразируя тайное желание пацифистов, «поскольку плохо быть священником и приносить в жертву овцу, я стану овцой, которую принесет в жертву священник».

Проблема противостояния добра и зла, определения должного отношения между пастырем и паствой мучает Загреб и по сей день.

Проведя в городе лишь несколько дней, Ребекка Уэст поняла, что Загреб, к сожалению, представляет «театр теней». Люди оказались настолько поглощены своим собственным разъединением, противостоянием хорватов-католиков и сербов-православных, что превратились в фантомы задолго до прихода нацистов.

Нацистская оккупация стала детонатором существующего напряжения. В первобытной ярости – если не простой численности – убийства православных сербов в католической Хорватии и соседней Боснии и Герцеговине абсолютно сопоставимы с теми, что творились в оккупированной нацистами Европе. Сорок пять лет систематической бедности при режиме Тито не способствовали исцелению ран.

Я приехал в Загреб поездом из Клагенфурта. Последнее десятилетие века лежало передо мной. Мой слух был настроен на призрачные, тлеющие голоса, и я чувствовал, что они готовы громко зазвучать снова.

Этнический серб, с которым я познакомился в поезде, говорил мне: «У хорватских фашистов в Ясеноваце не было газовых камер. У них были только ножи и дубинки, которыми они и убивали сербов в огромных количествах. Бойня была хаотичной, никто не удосуживался вести счет. Так что мы здесь на десятилетия отстали от Польши. Там евреи и католики ведут борьбу вокруг значимости. Здесь хорваты и сербы до сих пор спорят о цифрах».

Цифры – это все, что имеет значение в Загребе. Например, если вы скажете, что хорватские усташы («повстанцы») убили 700 000 сербов в Ясеноваце – лагере смерти периода Второй мировой войны, расположенном в ста километрах к юго-востоку от Загреба, – вас признают сербским националистом, который презирает и хорватов, и албанцев, считает покойного хорватского кардинала и архиепископа Загреба Алоизия Степинаца «нацистским военным преступником» и поддерживает лидера Сербии Слободана Милошевича – подстрекателя и националиста. Но если вы скажете, что фашисты-усташы убили лишь 60 000 сербов, вас заклеймят хорватским националистом, который считает кардинала Степинаца «любимым святым» и презирает сербов и их лидера Милошевича.

Кардинал Степинац, символ Хорватии конца 1930–1940-х гг., – оружие против Милошевича, сербского символа 1990-х гг., и наоборот. Поскольку в Загребе история не движется, конец 1930-х – 1940-е гг. все еще кажутся настоящим временем. Нигде в Европе с наследием военных преступлений нацизма не разобрались так плохо, как в Хорватии.

В городском ландшафте Загреба главную роль играют объем и пространство; цвет имеет второстепенное значение. Городу, чтобы показать себя, не нужен солнечный свет. Облачность – хорошо. Ледяной морозящий дождь – еще лучше. Я прошел под дождем сто метров от здания железнодорожного вокзала до отеля «Эспланада». Это огромное, цвета морской волны сооружение, которое легко принять за правительственное здание, демонстрирующее роскошь декаданса – восхитительный сумрак – эдвардианской Англии или Вены периода *fin-de-siècle*. Я вошел в ребристый, из черно-белого мрамора вестибюль с зер-

калами в золоченых рамах, бархатными гардинами и ламбрекенами и малиновыми коврами. Мебель насыщенного черного цвета, плафоны светильников – золотисто-зеленого. Вестибюль и ресторан похожи на художественную галерею, картины которой вызывают в памяти вселенную Зигмунда Фрейда, Густава Климта и Оскара Кокошки: модернистская иконография, указывающая на социальный распад и торжество насилия и полового инстинкта над властью закона.

Славенка Дракулич – журналистка из Загреба, которая пишет по-хорватски для местного журнала *Danas* («Сегодня») и по-английски для *New Republic* и *Nation*. На ней дизайнерские темные очки, в волосах ярко-красная ленточка, идеально гармонирующая с красной кофточкой и цветом помады. Она, как и другие женщины в баре отеля, одета с щегольством, дополняющим дерзость оформления интерьера отеля. Общая идея вычитывается безошибочно: *несмотря на бедность, организованную коммунистами, сырые, плохо прогретаемые дома и скудные магазинные витрины, мы, хорваты, римские католики, а Загреб – восточный бастион Запада; ты, гость, все еще в орбите Австро-Венгрии, Вены, где практически изобрели современный мир, и не смей забывать об этом!*

Славенка, жестикулируя пальцами, которые порхают, как крылья бабочки, разъясняет мне югославскую дилемму. «Тут у нас не Венгрия, Польша или Румыния. Скорее это Советский Союз в миниатюре. Например, в Литве происходит одно, в Таджикистане – другое. В Хорватии происходит одно, в Сербии или Македонии – совсем другое. Каждая ситуация уникальна. И легких проблем не бывает. Из-за того что Тито порвал со Сталиным, враг Югославии всегда был внутри, а не вовне. Многие годы нас дурили тем, что было только иллюзией свободы».

Я сразу уловил, что контрреволюция в Восточной Европе захватила и Югославию. Но, поскольку давление недовольства распространялось по горизонтали, в форме борьбы одной группы с другой, а не по вертикали – против коммунистической власти Белграда, революционный путь Югославии оказался вначале более извилистым и, соответственно, более искаженным. Именно поэтому внешний мир до 1991 г., пока не началась война, не обращал на нее внимания.

Не надо обладать даром предвидения, чтобы понять, что последует дальше. Мой визит в Югославию оказался мистически точно рассчитан: каждый, с кем мне довелось разговаривать, от местных жителей до иностранных дипломатов, уже как бы смирился с тем, что впереди – большое насилие. Югославия распадалась не в одночасье, а постепенно, методически, на протяжении всех 1980-х гг. становилась беднее и запущеннее. Год за годом накапливалась ненависть. Поэтому все разговоры, которые я вел, имели грустный оттенок. Мы все кричали окружающему миру о надвигающейся катастрофе, но никто не хотел слышать нашу страшную тайну. Это никого не интересовало. Мало кто даже представлял, где именно находится, к примеру, Хорватия. Когда я звонил по телефону из своего номера в «Эспланаде» и объяснял, что нахожусь на Балканах, многие считали, что я на Балтике.

«Тебе нужно побыть в Загребе хотя бы пару недель. Нужно встретиться с очень многими людьми. Нитки здесь очень тонкие. Все так переплетено, все очень сложно». Пальцы-бабочки Славенки, казалось, поникли от отчаяния и упали на стол. Здесь, как она сказала, борьба между капитализмом и коммунизмом – лишь одно измерение борьбы, которую ведет католицизм против православия, Рим против Константинополя, наследие габсбургской Австро-Венгрии с наследием османской Турции, иными словами, Запад с Востоком. Абсолютный исторический и культурный конфликт.

В ближайшие дни Загреб и отель «Эспланада» сжались до пронзительной эхокамеры: череда блестящих монологов, продолжительных и особо запоминающихся из-за дождя, от которого ландшафт и архитектура размывались и становились заметнее абстрактные идеи.

Совершенно не случайно книга «Черная овца и серый сокол» начинается в Загребе, посвящена Югославии и написана женщиной. Для подобной книги такое сочетание практически необходимо. Яркость и изобретательность талантливой вышивальщицы и кулинара в сочетании с земной восприимчивостью сельской женщины и будущей бабушки стали, несомненно, необходимыми компонентами, которые позволили даме Ребекке проникнуть в лабиринт мыслей, страстей, национальных историй Азии и Европы и вы ткать из них цельный, нравственно ориентированный гобелен.

9 октября 1934 г., за два с половиной года до своей поездки, дама Ребекка впервые произнесла слово «Югославия». В тот день, прикованная к постели после недавней операции, она услышала по радио, что агент хорватских усташей совершил покушение и убил главу сербского королевского дома короля Александра I Карагеоргиевича, который прибыл в Марсель с государственным визитом. Через несколько дней она увидела кинохронику, посвященную этому убийству. Когда камера показала крупным планом лицо умирающего сорокашестилетнего короля, у Ребекки Уэст зародилась страсть к его стране. Она инстинктивно почувствовала, что это благородное лицо умирающего человека – еще одна веха на пути к кошмарному катаклизму, еще более ужасающему, чем Первая мировая война, который она еще не в состоянии определить. Поэтому она отправилась в Югославию исследовать природу грядущего катаклизма. Политика Югославии идеально отражает исторический процесс и поэтому более предсказуема, чем думают многие.

«Черная овца и серый сокол» привели меня в Югославию. До 1990-х гг. путешествие здесь не представляло собой ни опасного для жизни приключения, ни бегства в визуальную экзотику; напротив, оно предполагало столкновение с самыми важными и страшными вопросами века. Югославия – также история тончайших этнических различий, напластовавшихся за долгое время и сопротивляющихся конденсации на верхних слоях, на новых страницах. Как человек, ранее освещавший военные конфликты в Африке и Азии, я чувствовал себя одновременно отравленным и неадекватным. Моим проводником была умершая женщина, чьи совершенно актуальные мысли казались мне более страстными и точными, чем у любого возможного писателя-мужчины. Я предпочел бы потерять паспорт и деньги, нежели зачитанную, испещренную пометками книгу «Черная овца и серый сокол». Она, наряду с «Войной в Восточной Европе» Джона Рида, никогда не оставалась в гостиничном номере. Я возил их с собой всюду по Югославии.

Слово «Загреб» означает «за холмом». На холме расположен верхний город, который господствует над нижним. В нижнем городе – железнодорожный вокзал, отель «Эспланада», здания и павильоны в стиле неоренессанс, ар-нуво и сецессион, разделенные большими зелеными пространствами. Высоко на холме, над нижним городом, величественный готический кафедральный собор с крепостными стенами, настоящий мини-Кремль. В XIII в. он был разрушен и восстановлен в конце XIX. Этот собор – крупнейшее сооружение Римско-католической церкви на Балканах. В нем располагается Загребская архиепархия-митрополия. Посетив его в канун Пасхи 1937 г., дама Ребекка восклицала: «Яркость чувств возникла не только от ощущения огромной и бодрящей силы, но и от осознания благородного происхождения реальной страсти, целостной веры».

К тому моменту очень многое говорило в пользу столь возвышенного описания. На протяжении сотен лет, отчасти откликаясь на беззакония австро-венгерского правления, католические теологи Хорватии интенсивно выступали за христианское единство среди южных славян. Эти теологи смотрели дальше раскола между Римом и Константинополем, произошедшего в 1054 г., смотрели на деяния апостолов IX в. Кирилла и Мефодия, которые обратили славян в христианство. Но после раскола 1054 г. большинство обращенных Кириллом и Мефодием стали членами конкурирующей православной церкви, и хорваты оказались практически единственными в католическом мире почитателями этих двух апостолов.

В XIX в. фигуры Кирилла и Мефодия стали появляться в хорватских церковных кругах как символы единства между католической и православной церквями. Активно выступал за это епископ Йосип Штросмайер – многогранная личность, хорватский патриот, филантроп, основатель Загребского университета, талантливый лингвист и садовник, заводчик лошадей липицианской породы, знаток вин и прекрасный рассказчик. Как интеллеktуал-католик и хорват, Штросмайер полностью признавал равенство и легитимность Сербской православной церкви. Когда он направил поздравительное письмо православным епископам в связи с тысячелетием со дня рождения Мефодия, коллеги-католики в Австро-Венгрии и Ватикане его осудили. Император Франц Иосиф бросил оскорбление в лицо Штросмайеру. В ответ Штросмайер предупредил Габсбургов, что продолжающиеся беспорядки в Боснии и Герцеговине, провинции к юго-востоку от Хорватии, где жили и сербы, и хорваты, и местные мусульмане, могут привести к крушению всей империи. Именно так все и произошло. Дама Ребекка с почтением охарактеризовала Штросмайера как «бесстрашного обличителя австро-венгерской тирании». Она пишет, что Штросмайера, сражавшегося как против антисемитизма, так и против антисербского расизма, Ватикан XIX в. ненавидел потому, что считал его «прискорбно лишенным нетерпимости».

Однако когда дама Ребекка посетила Загреб весной 1937 г., в умах хорватских католиков вызревала новая мысль о единении славянских христиан, отличная от той, которую проповедовал Штросмайер. Изменения происходили под активным влиянием архиепископа-коадьютора Алоизия Степинаца, который к концу этого года станет архиепископом Загреба.

Степинац родился в 1898 г. в зажиточной крестьянской семье к югу от Загреба. Он был пятым из восьми детей. Принимал участие в Первой мировой войне, затем изучал агрономию и стал активным участником католической студенческой ассоциации. В 1924 г. он разорвал помолвку с местной девушкой и перешел в духовенство. Последующие семь лет провел в престижном иезуитском Грегорианском университете в Риме. Обучение смог оплатить его состоятельный отец. По окончании Степинац попросил назначить его в небольшой приход. Но архиепископ Загреба Антун Бауэр (безусловно, учитывая научные достижения Степинаца, который уже обладал докторской степенью по философии и теологии), привлёк тридцатидвухлетнего одаренного человека к работе в своей канцелярии.

Трудно представить двух более непохожих хорватов-католиков, чем Штросмайер и Степинац. Штросмайер был южнославянским националистом, боровшимся против австрийцев и Ватикана, а Степинац – чисто хорватским националистом, который поддерживал Ватикан и австрийцев в их борьбе против своих южнославянских братьев – сербов. Степинац, по словам архиепископа Бауэра, с юных лет был «чрезвычайно праведным», в то время как Штросмайер любил вино, лошадей и красивую жизнь.

Молодой Степинац считал своих коллег по католической студенческой ассоциации недостаточно религиозными. На церемонии помолвки, еще до того, как обратиться в духовенство, Степинац отказался поцеловать невесту, сказав, что «это не таинство». Заняв в 1934 г. пост архиепископа-коадьютора, Степинац облачился в пояс и наплечник францисканцев, чтобы публично идентифицировать себя с идеалом бедности. Вскоре он стал проводить службы и шествия против богохульства и плотских грехов. Его страстные выступления, особенно против совместного купания и загорания на пляжах мужчин и женщин, несли явно кромвельский дух. Судя по дневнику Степинаца, он был убежден, что католические идеалы чистоты следует распространить и на православную Сербию. «Если бы было больше свободы, – писал Степинац, – Сербия за двадцать лет стала бы католической». В своем догматизме он считал всех православных изменниками. «Самым идеальным для сербов было бы вернуться к вере своих отцов, то есть преклонить голову перед наместником Христа на

земле – Его Святейшеством. Тогда мы наконец смогли бы свободно дышать в этой части Европы, поскольку византизм играл устрашающую роль... в связи с турками».

Стелла Александер в подробном и сочувственном описании карьеры Степинаца «Тройной миф: Жизнь архиепископа Алоизия Степинаца» (*The Triple Myth: A Life of Archbishop Alojzije Stepinac*) пишет, что когда он «позже, во время Второй мировой войны, увидел на практике плоды своих идей, то пришел в ужас».

Я вошел в Загребский собор и обратил внимание на ряд плакатов с изображениями папы Иоанна Павла II. Образ папы всегда имел особое значение в Хорватии благодаря одному-единственному факту: несмотря на близость Хорватии к Италии и Ватикану и несмотря на пограничное положение между западным и восточным христианством, о примирении с которым папы давно думали, этот папа, который уже посетил самые дальние уголки Африки и Азии, за свои первые десять лет в роли понтифика все еще не добрался до Хорватии. Это объясняется в первую очередь наследием кардинала Степинаца.

В нефе мое внимание привлекла массивная бронзовая скульптура с изображением страданий Христовых, «Голгофа» хорватского скульптора Ивана Орлича. Расположенная справа у входа в собор, она источает силу и мощь. Группа монахинь в белых одеждах преклонили колени перед ней в молчаливой молитве. Над ними, на голубом потолке, сияют золотые звезды. Я прошел вперед, к левой стороне алтаря, где расположен каменный барельеф с изображением коленопреклоненного Степинаца, которого благословляет Христос. Это гробница Степинаца. На этом месте он был захоронен в стене собора в 1960 г. Памятник сделан другим, более известным хорватским скульптором Иваном Мештровичем. Его создание оплатили американцы хорватского происхождения. Он преднамеренно мал, преуменьшен и наивен. Мелкие детали прочерчены словно ножом. Люди проходят мимо и преклоняют колени так же, как делают перед гораздо более крупной и впечатляющей статуей Христа на Голгофе. Папа Иоанн Павел II тоже хотел преклонить колени перед этим скромным монументом. Именно из-за этого конкретного пожелания федеральные чиновники Загреба, по преимуществу сербы, долго отказывали ему в разрешении посетить Загреб.

Когда я впервые посетил гробницу Степинаца в 1984 г., ко мне подошла пожилая женщина и с мольбой в голосе попросила: «Напиши хорошо о нем. Он – наш герой, а не военный преступник». А официальные представители тогда еще коммунистического Белграда заявили мне следующее: «Наше решение окончательное. Степинац – двурушник и палач, священник, который одной рукой крестил, а другой отправлял на бойню». Официальные лица затем рассказали мне, как католические священники по указанию Степинаца совершали обряды массового обращения в католичество православных сербов за минуты то того, как их казнили хорватские усташы, – потому что «только так они могут попасть в рай».

Я тогда решил, что у меня есть замечательная тематическая статья. Но потом мне попались мемуары «Длинный ряд свечей» (*A Long Row of Candles*) С. Л. Сульцбергера, ведущего международного корреспондента и колумниста *New York Times*. Оказалось, что он описал эту самую историю тридцать четыре года назад, в 1950 г. Сульцбергер вспоминал: «Православные сербы всех политических оттенков подходили ко мне и сурово заявляли: «Степинаца следовало повесить. Именно он потворствовал убийству тысяч православных». Когда я вернулся в Загреб, ко мне подошли двое мужчин и сказали: «Ты американский журналист? Ты встречался с архиепископом (который в свое время сидел в коммунистической тюрьме)? Он прекрасный человек. Святой. Расскажи американцам, что он наш герой».

Когда я снова спустя пять лет оказался в Загребе, уже в 1989 г., вина или невиновность Степинаца все еще оставалась под вопросом. За три года до этого, в 1986 г., из Соединенных Штатов в Загреб был депортирован Андрия Артукович, бывший министр внутренних дел нацистского марионеточного государства Хорватия периода Второй мировой войны. Его должны были судить как военного преступника. Появление Артуковича на родной земле

пробудило старые воспоминания, и коммунистические власти смогли отреагировать только плохо организованным судилищем в сталинском духе, которое воспламенило страсти, имеющие отношение и к Степинацу. Артукович, больной старик, был признан виновным и приговорен к смертной казни, но умер в заключении до того, как приговор успели привести в исполнение. Место его захоронения оставили в тайне: белградские коммунисты, в основном сербы, боялись, что хорваты превратят его могилу в место поклонения. Судьбой Артуковича стало бесчестие.

Наблюдатель мог заметить, как год за годом накапливалась ненависть. В конце 1980-х гг. масштаб дела Степинаца стал разрастаться, по мере того как позиции конфликтующих сербов и хорватов ужесточались под давлением нарастающей бедности, роста ежегодной инфляции в несколько тысяч процентов и собственно фрагментации Югославской федерации. Все чаще можно было слышать слово *геноцид*.

В ходе моего последнего визита в Загреб в 1989 г. появился новый фактор: публикация фрагментов личного дневника Степинаца в еженедельнике *Danas*. Дневники нашел местный историк Любо Бобан. Бобан, хорват, отказался говорить, когда и каким образом они к нему попали. «Это секрет», – сказал он мне в своем кабинете в Загребском университете и подчеркнул, что записи за наиболее острый период первой половины 1942 г. «таинственным образом исчезли». Он намекнул, что их может скрывать церковь. Опубликованные дневники, подлинность которых не подвергается сомнению, представляют Степинаца не в самом лучшем свете. Они показывают его как человека, который, несмотря на университетское образование, полученное в Риме, оказался под влиянием глубоких деревенских предрассудков и вполне серьезно относился к таким вещам, как масонские заговоры.

Я покинул собор и направился вдоль по улице к дому монсеньора Дуро Коксы, который великодушно меня принял, как и пять лет назад, хотя я даже предварительно не позвонил, чтобы договориться о встрече. Ближайший сподвижник кардинала Загреба Франьо Кухарица, монсеньор Кокса был самой важной фигурой в хорватской церкви 1980-х – начала 1990-х гг. Поскольку монсеньор Кокса много лет жил за границей и владел иностранными языками, он считал своим долгом принимать всех посетителей, сколь бы враждебно они ни были настроены, чтобы объяснить миру позицию хорватской церкви относительно болезненного исторического эпизода, который он считал слишком сложным, чтобы судить или упрощать. На такое способны только враги церкви.

– Степинац – великое духовное лицо Европы. Мы не позволим его губить. Мы будем защищать его. Допустим, он ненавидел масонов. Но у христиан всегда было к ним такое отношение. Что вы хотите?

Монсеньор Кокса сидел под распятием, в простом черном одеянии с белым воротничком священника. Кабинет украшали типичные балканские ковры и скатерти. Это был пожилой человек с седыми волосами. Лицо было искажено гримасой не только от отчаяния, но и от явной слабости. Морщины на лбу казались шрамами от давних битв.

– Это очень несправедливо. Дневники представляют личные мысли человека. Их опубликовали слишком рано. – В этом раскаленном политическом климате половина века не кажется достаточно большим интервалом. – Только церковь имела право давать разрешение на публикацию этих дневников, а не коммунисты.

Монсеньор Кокса намекает на то, что тот историк, Бобан, был агентом югославских коммунистических властей (то есть сербов), которые стремились подорвать католическую церковь и хорватскую нацию. В глазах здешней католической церкви Югославское государство после начала мучений Степинаца в 1946 г. при режиме Тито не имело легитимных оснований для существования.

– Это коммунисты должны встать на колени, как Брандт, а не церковь! – Монсеньор Кокса напомнил о знаменитом инциденте в Варшаве летом 1970 г., когда канцлер Западной

Германии Вилли Брандт опустился на колени в жесте раскаяния перед памятником евреям, погибшим в Варшавском гетто. – Война в любом случае наполовину преступление. Почему один Степинац? Мы ничего не можем отрицать. То, что произошло в Ясеноваце, – трагедия. Может, там было убито шестьдесят тысяч, может, немного больше, но никак не семьсот тысяч. – Монсеньор продолжал: – Хорватия – главная страдальца во всей Югославии. Наш национализм молод, он еще даже не реализовался. Но все это слишком сложно, и вам не понять. Это вопрос менталитета.

Все тело монсеньора Коксы напряглось от отчаяния, как и морщины на лбу. Он понимал, что, если будет продолжать в таком духе, все пойдет неправильно, я посчитаю его неперестроившимся антисербским расистом, к тому же равнодушным к евреям. Он прищурился, глядя на меня, словно хотел сказать: «Вы считаете меня врагом, молодой человек, но это не так. Вы не представляете, что здесь творилось во время Второй мировой войны. Вам очень легко приехать из Америки, где ничего плохого не происходит, и судить нас. Но вы не лучше нас. Будьте осторожны в своих суждениях!»

Я встал, собираясь уходить. Монсеньор Кокса сказал, что всегда рад меня видеть и что я могу возвращаться и задавать ему вопросы о Степинаце сколько угодно. Я поблагодарил его. Я знал, что, если я даже напишу чудовищные вещи про него или Степинаца, он всегда будет готов встретиться со мной снова. Монсеньор Кокса славился поиском противников. На каком-то приеме он зацепился за Славко Гольдштейна, одного из лидеров местной еврейской общины. Они поехали в собор, чтобы продолжить дискуссию, но спор получился столь горячим, что они даже не вышли из машины. Они сидели в салоне автомобиля, остановившегося перед собором, над спящим городом, и спорили несколько часов, бросая друг другу в лицо дико несопоставимые цифры. Гольдштейн говорил, что хорватские усташи убили в Ясеноваце 20 000 евреев и 30 000 цыган. Но если верны цифры Гольдштейна и верно общее количество жертв Ясеноваца, признаваемое церковью, – 60 000, то там должно было погибнуть только 10 000 сербов. Обе стороны согласны в том, что главной целью усташей – в численном измерении – были православные сербы, поэтому монсеньор Кокса не соглашался с цифрами Гольдштейна относительно цыган и евреев. Но, несмотря на цифры, добавил монсеньор Кокса, Степинац все равно невиновен.

– Приходите ко мне еще, – предложил монсеньор Гольдштейну. Мне он предложил то же самое. – Это моя судьба: такую мне выбрал Бог.

Призрак Степинаца – основной символ сербско-хорватского конфликта, вокруг которого строятся все остальные этнические противоречия в этой ныне фрагментированной, но крупнейшей и имеющей решающее значение из всех Балканских стран. Чем больше будет пролито крови в югославской гражданской войне 1990-х гг., тем более актуальной будет становиться история Степинаца. Этот сюжет можно рассмотреть с точки зрения психологической теории масс, выдвинутой лауреатом Нобелевской премии по литературе Элиасом Канетти, уроженцем Болгарии, которая основана на «массовых символах».

Например, Канетти пишет, что массовым символом англичан является «*море*... Все катастрофы англичанина связаны с морем. <...> Его жизнь дома – лишь дополнение к жизни в море; ее основные характеристики – безопасность и монотонность». Для немцев массовый символ – «*марширующий лес*». Для французов – «*их революция*». Для евреев – «Исход из Египта. <...> Образ массы, движущейся год за годом по пустыне, стал массовым символом для евреев»⁹. К сожалению, Канетти не стал рассматривать балканские народы. Психологически замкнутая, племенная природа сербов, хорватов и прочих делает их столь же подхо-

⁹ В последние десятилетия, отчасти благодаря выдающемуся положению Иерусалима в ближневосточной политике, можно сказать, что Стена Плача вытесняет Исход как массовый символ евреев. *Авт.*

дящими для массовых символов, как и евреи, и гораздо более подходящими, чем англичане или немцы.

Хорваты этнически неотличимы от сербов. Они принадлежат к одной славянской нации, говорят на одном языке, их имена обычно тоже не различаются. Поэтому их идентичность основывается только на римском католицизме. Следовательно, массовым символом хорватов может быть *Церковь*, или, более конкретно, запутанное и критикуемое *наследие архиепископа Степинаца*.

Факты, связанные с его карьерой архиепископа во время войны, психологически раскалывают сербов и хорватов (и, следовательно, Югославию) сильнее, чем что бы то ни было иное. По этой причине – и чтобы быть честным по отношению к этому человеку – некоторые из этих фактов требуют нашего внимания.

10 апреля 1941 г., вслед за вторжением немецких и итальянских войск, фашисты-усташи провозгласили создание «Независимого государства Хорватия». Реакция архиепископа Степинаца была «радостной», поскольку он считал создание «свободной» Хорватии божественным благословением на тринадцатый век с начала формирования тесных уз Хорватии с Римской церковью. 16 апреля он нанес официальный визит лидеру усташей Анте Павеличу. 28 апреля в послании хорватскому духовенству он писал:

Настали времена, когда говорит не язык, а кровь с ее мистической связью со страной, в которой мы появились на свет Божий. <...> Разве надо говорить, что теперь кровь струится быстрее по жилам, что сердца в груди бьются чаще... Ни один честный человек не может отрицать этого, ибо любовь к своему народу прописана в законах Божьих. Кто может упрекнуть нас, если мы как духовные пастыри внесем свой вклад в гордость и радость народа... В этом легко видеть руку Божью.

Нельзя сказать, чтобы Степинацу нравились немцы или что он доверял им. Нацистскую идеологию он считал «языческой». Но на протяжении многих лет у него выработался маниакальный страх перед коммунизмом, и он, как и многие его современники в Ватикане, усматривал связь этой идеологии с Русской православной церковью и, по ассоциации, с православной церковью Сербии. В 1935–1936 гг., когда он был архиепископом-коадьютором, под его влиянием полуофициальная газета хорватской церкви *Katolicki List* агрессивно нападала на «иудомарксистов» в России, «чуждых народу, над которым захватили власть». Но к 1937 г. Степинац увидел, что нацисты превратили традиционный антисемитизм, с которым он вырос, в нечто гораздо более экстремальное. С тех пор из антикоммунистических выпадов *Katolicki List* исчезли антисемитские мотивы.

Такая двойственность была трагически типична для архиепископа. Например, когда усташи, через месяц после прихода к власти, приказали всем хорватским евреям носить специальные отличительные знаки, Степинац в частной беседе с министром внутренних дел Андрием Артуковичем (который потом найдет прибежище в Соединенных Штатах) сделал предложение о том, чтобы евреи покупали эти знаки, как бы возмещая государству расходы на их выпуск, но на самом деле не обязаны были их носить. Затем Степинац выступил с требованием, чтобы все меры против евреев и сербов, особенно детей, выполнялись «гуманным» образом.

На этой развилке Степинац обладал настолько бесчувственной наивностью, что его осведомленность граничила со слепотой. Приветствуя установление режима усташей, он, например, сказал: «Зная людей, которые сегодня определяют судьбу хорватского народа... мы верим и надеемся, что церковь в нашем возродившемся Хорватском государстве окажется способна совершенно свободно объявить об установлении неоспоримых принципов вечной правды и справедливости».

Архиепископ, очевидно, не сознавал, что Хорватия при усташах стала не более чем марионеточным государством, поделенным между нацистской Германией и фашистской Италией. В «Тройном мифе» Стелла Александер пишет: «Два момента бросаются в глаза. Более всего он опасался коммунизма (особенно более фашизма); и ему было трудно представить, что все, происходящее за границами Хорватии, разумеется, за исключением Святейшего престола, является реальностью».

В то время, когда подразделения усташей-фашистов в соседней Боснии сбрасывали со скал православных женщин и детей, а войска Адольфа Гитлера маршировали по территории Советского Союза, создавали лагеря смерти и совершали всяческие злодеяния, Степинац твердо заявлял: «Весь цивилизованный мир борется против кошмарной опасности коммунизма, который сейчас угрожает не только христианству, но и всем позитивным ценностям человечества».

Александер пишет, что дневниковые записи до начала 1942 г. «ясные». Какие бы сомнения ни возникали у Степинаца в связи с участвовавшими слухами о государственном организованном насилии против православных сербов и евреев, они смягчались другими действиями лидера усташей Павелича, такими как запрет на вывешивание вызывающих изображений женщин в витринах магазинов и установление кратких тюремных сроков для тех, кто публично богохульствовал или работал в полях по воскресеньям.

Но затем, как показывает Александер в своей книге, Степинац постепенно приходит в ужас от сообщений о массовых убийствах. В результате он начинает понимать правду и обретает свой голос. Выступая перед студентами в марте 1942 г., архиепископ заявляет, что «свобода без полного уважения законов Божьих – пустая фикция». А в одно апрельское воскресенье 1942 г. Степинац встретил диктатора Павелича на ступенях Загребского собора с хлебом и солью. Глядя ему в глаза, архиепископ произнес: «Шестая заповедь гласит: «Не убий». Разъяренный Павелич даже отказался войти в собор¹⁰.

В марте 1943 г., когда усташа приказали всем оставшимся евреям зарегистрироваться в полиции, Степинац заявил на открытой проповеди:

Каждый, независимо от расы и нации, к которой принадлежит... несет в себе печать Бога и обладает неотчуждаемыми правами, лишить которых его не имеет права ни один земной властитель. <...> На прошедшей неделе было много случаев видеть слезы и слышать стоны мужчин, крики беззащитных женщин, которым угрожали... потому что их семейная жизнь не подходит под теории расизма. Как представители церкви, мы не можем и не смеем молчать...

Спустя полгода Степинац выражался еще более откровенно:

Католическая церковь не знает о расах, рожденных править, и о расах, обреченных на рабство. Католическая церковь знает все расы как творения Бога... будь то негры в Центральной Африке или европейцы. <...> Система расстрела сотен заложников за преступление [которую систематически применяли усташа] – языческая система, которая не дает ничего, кроме зла.

Наконец, в разгар холокоста, архиепископ публично выступил против усташей. Степинац, которому фашисты перестали доверять, а коммунисты ненавидели, отказывался от всех предложений бежать в Рим, хотя прекрасно понимал, что при любом исходе войны он может оказаться подходящим козлом отпущения. Но он и не окончательно порвал с усташским режимом, хотя мог предположить, что такого рода действие могло бы спасти его репу-

¹⁰ Эту историю мне рассказал Стивен Ханич, американец хорватского происхождения, который в тот момент находился в нескольких метрах от Степинаца и Павелича. *Авт.*

тацию. По мнению Александер, Степинац полагал, что такой разрыв лишит его «возможности помогать кому бы то ни было; самым главным было спасти то, что можно спасти». Постепенно с ходом войны Степинац обретал доверие со стороны евреев, сербов и участников Сопротивления, которые видели в нем единственного союзника посреди ада.

С другой стороны, до последних дней войны он продолжал организовывать шествия против богохульства и верил в «честный» аспект движения усташей. На фото, сделанном 22 февраля 1945 г., Степинац обменивается рукопожатиями с диктатором Павеличем. В то время как его отношение к коммунизму всегда было четким и бескомпромиссным, невзирая на риск для себя и других, отношение к преступлениям усташей против человечности искажалось постоянными компромиссами и противоречивыми действиями. Во время войны он скрывал еврейского раввина с семьей на территории собора. После окончания войны встретился и (пусть невольно) помог бывшему начальнику полиции усташей спрятаться от новых коммунистических властей. Он всегда демонстрировал сводящее с ума отсутствие политической проницательности и узость взгляда; это, более чем что-то иное, отличает его от Штро-смайера. Степинац искренне верил, что «без преувеличения... ни один народ во время войны не пострадал столь жестоко, как несчастный хорватский народ». Что происходило в остальной Югославии (и по всей Европе) с сербами, евреями, цыганами, мусульманами и другими, просто не представляло для него ни малейшей реальности.

Давая, возможно, самую благожелательную среди специалистов нехорватского происхождения оценку этой темной фигуре, Стелла Александер пишет: «Он жил среди событий апокалипсического масштаба, и на него выпала ответственность, о которой он даже не помышлял. <...> В итоге создается ощущение, что он оказался недостаточно велик для своей роли. Учитывая его ограниченность, он вел себя очень хорошо, гораздо лучше, чем большинство его соотечественников, и в ходе суровых духовных испытаний вырос в значительную фигуру».

«Католическая церковь здесь никогда не искала свою душу. Молодые священники сейчас сплошь необразованные. Только когда в духовенство придут молодые образованные люди, давление снизу может заставить церковь всерьез взглянуть на свое прошлое и на Степинаца», – пояснял мне Жарко Пуховски, хорватский католик и либеральный политик, за рюмкой сливовицы в баре «Эспланады».

Эта церковь, как и многое другое в Загребе, десятилетиями была раненым существом. Начиная с 1945 г. *raison d'être* («смысл существования») этой церкви с ее всепоглощающей ответственностью за свою паству было простое физическое выживание. Коммунисты прижали католическую церковь к стене как последний независимый остаток хорватской нации – загнанную, подавленную, привлекающую лишь малообразованную бедноту в ряды своего духовенства. Православная церковь, напротив, приспособилась к такого рода угнетению. Под османами они научились искусству выживания: как иметь дело с правителями, чья враждебность представлялась как обычная, неуправляемая сила природы, подобно ветру или дождю, чтобы сохранить то, что наиболее важно. Но хорватская церковь, не обладая сопоставимым опытом в составе католической Габсбургской империи и, более того, чувствуя поддержку внешнего защитника – Святейшего престола в Риме, не была готова уступить ни пяди спорной исторической территории, отстаивая даже то, что не нужно было и не следовало отстаивать. Монсеньор Кокса был прав: он не был врагом – ни евреев, ни даже сербов. Он был просто очередной жертвой. В Загребе я понял, что борьба за существование оставляет мало места для обновления или творчества. В то время как украинцы и другие открыто принесли извинения за свои действия против евреев во время холокоста, хорваты все отрицали. Мне говорили, что статистика массовых убийств в Хорватии сильно преувеличена. Не виноваты ли и сербы в злодеяниях периода Второй мировой войны? И разве плохо обращались в Хорватии с оставшимися евреями? Несомненно, эти утверждения имеют под собой

некоторое основание. Меня тревожит другое – то, что хорваты вынуждены что-то скрывать, словно простое извинение без уточнений может поставить под сомнение легитимность их как нации. Трагедия Хорватии в том, что ее современный национализм совпал по времени с разгулом фашизма в Европе, что вынудило его сторонников оказаться связанными с нацизмом. Чтобы развязать все эти узлы, необходима смелая и однозначная оценка прошлого.

Почему украинцы ведут себя так, а хорваты иначе? Потому что украинцы в 1991 и 1992 гг. не пережили бомбардировку своих городов, а народ не испытал жестокостей неспровоцированной агрессивной войны. Война в Югославии – борьба за существование – отложила хорватский самоанализ истории холокоста. Но это время должно прийти.

Не католическая церковь, а Тито и коммунистический режим сделали Степинаца героем-мучеником для хорватского народа. В 1945 г., несмотря на ранние заявления Степинаца о поддержке усташей и открытое сотрудничество многих католических священников с убийцами в лагерях смерти Ясеноваца, Тито дважды встречался со Степинацем. На этих встречах он пытался принудить архиепископа создать «национальную католическую церковь», независимую от Ватикана, которая, как и православные церкви в Югославии, была бы послушна его коммунистическому режиму. Степинац, мучительно сознающий, что у Тито есть доказательства, связывающие его с усташами, тем не менее не поддался на шантаж. Он не только не согласился порвать с Ватиканом, но и продолжал публично выступать против коммунистов. За этим в 1946 г. последовал арест Степинаца и постановочное судилище над ним как «военным преступником».

Насильственное обращение православных верующих в католичество в Боснии вызвало жажду крови среди сербов, но одновременно дало правительству повод уничтожить архиепископа. Не писал ли архиепископ о своем желании вернуть сербских еретиков в лоно истинной веры? Не католические ли священники (как минимум номинально под руководством Степинаца) с энтузиазмом совершали этот обряд над сербами за минуты до того, как они подвергались массовому уничтожению?

На самом деле у Степинаца не было абсолютно никаких способов образумить духовенство в Боснии, где и совершалось большинство злодеяний. Если посмотреть на карту, Босния расположена рядом с Хорватией, и при взгляде издалека, особенно в те десятилетия, когда Югославия была единым государством, эти два региона для чужеземца могут показаться неразличимыми. Но Босния всегда на световые годы отставала от Хорватии. Хорватия – урбанистическое, этнически однородное общество, живущее на равнинах, в то время как Босния – мешанина этнически разнородных деревень в горах. Босния – сельская, изолированная, и до такой степени полна подозрений и ненависти, что образованным хорватам в Загребе это просто трудно представить. Босния – это усиление и осложнение сербско-хорватских разногласий. Так же как хорваты более остро ощущают свой западный католицизм, чем, скажем, австрийцы или итальянцы, именно из-за своей непростой близости к восточному православному и мусульманскому мирам, так и хорваты в Боснии – поскольку живут в одних горах с православными сербами и мусульманами – чувствуют свою хорватскость гораздо острее, чем хорваты на хорватской земле, которые пользуются психологической роскошью существования только с этническими соотечественниками в качестве непосредственных соседей. То же самое, разумеется, справедливо по отношению к сербам в Боснии. Усложняет ситуацию в Боснии существование большого мусульманского сообщества. Это славяне, сербы и хорваты, которые были обращены в мусульманскую веру при турецких оккупантах еще в позднее Средневековье, и их религиозная принадлежность постепенно стала синонимом этнической идентичности. В Боснии только один развитый урбанистический центр – Сараево, где хорваты, сербы, мусульмане и евреи традиционно жили в относительной гармонии. Но окрестные деревни полны дикой ненависти, подогреваемой бедностью и алкоголизмом. Тот факт, что наиболее ужасающие злодеяния – как во время Второй

мировой войны, так и в 1990-х гг., – происходили в Боснии, не случаен. В конце 1991 г., когда в Хорватии вовсю бушевали страсти, Босния оставалась странно спокойной. Но ни у хорватов, ни у сербов не было иллюзий по поводу той трагедии, которая еще впереди. Тогда появилась такая шутка: «Почему в Боснии не ведется борьба? Потому что Босния вышла прямо в финал».

Как только Степинац наверняка понял, что обращение в Боснии происходит не добровольно, он выпустил секретный циркуляр, разрешающий ускоренное обращение в католичество иудеев и православных сербов, если это может помочь «спасти их жизни... Роль и задача христианства в первую очередь спасать людей. Когда пройдут эти печальные и суровые времена», те, кто перешел в другую веру вопреки своему убеждению, «могут вернуться к своей [вере], когда опасность минует».

Но прокуроров Тито не интересовали подобные мелочи. Тито был совершенно искренен, когда в выступлении 26 сентября 1946 г. заявил: «Мы арестовали Степинаца и арестуем всех, кто выступает против существующего порядка, нравится им это или нет». Милован Джилас, в то время входивший в ближайший круг соратников Тито, впоследствии написал, что Степинаца «наверняка бы не привлекли к суду за его поведение во время войны и его сотрудничество с лидером хорватских фашистов Анте Павеличем, если бы он не продолжал выступать против коммунистического режима».

Степинац был признан виновным по всем пунктам. Он провел пять лет в одиночном заключении, после чего был выслан в свою родную деревню Крasic.

После суда на протяжении ряда лет были арестованы сотни католических священнослужителей; некоторые подвергались пыткам и были убиты. В 1950 г. журналист С. Л. Сульцбергер взял интервью у Степинаца, который сидел в тюрьме Лепоглава, в сотне километров от Загреба. Архиепископ оставался непреклонен: «Я готов пострадать за католическую церковь». Через два года, признав, что коммунисты препятствуют Степинацу осуществлять свое служение церкви, папа Пий XII сделал его кардиналом. С тех пор Ватикан не подал ни единого знака, что готов видеть Степинаца в какой-то иной роли, нежели как героического борца против коммунизма.

Но ожиданий здесь много.

Когда схлынули воды коммунистического потопа и земля снова стала узнаваемой, многое из того, что было возможно понять и легко простить в 1980-х гг., в последнее десятилетие послевоенной эпохи перестало быть таковым. Только на фоне мрачного индустриального феодализма Тито и стальной хватки его тайной полиции наследие габсбургской Австро-Венгрии и Римско-католической церкви и, далее, папы Иоанна Павла II выглядит столь невинным. На самом деле хорватский национализм, который ставит хорватов в культурном отношении гораздо выше сербов, та самая националистическая традиция, которая вдохновляла желание Степинаца обратить всех сербов в католицизм, не могли возникнуть без активного подстрекательства габсбургского двора и Ватикана.

Из всех славянских племен, которые расселялись в западной части Балканского полуострова в VI–VII вв., хорваты были первыми, кто избавился (в 924 г.) от византийского правления и создал свое собственное королевство. Первым королем Хорватии стал Томислав, чья статуя украшает главную площадь перед загребским железнодорожным вокзалом. Бронзовая скульптура представляет собой воина на коне, поднявшего руку с крестом.

Я всматривался в памятник. Казалось, конь и всадник слились воедино в одном сгустке мускулов, не просто человек и конь, а оружие, пронизывающее и безжалостное, как хорватские равнины, на которых возросла и пала угроза османов, сменивших в 1453 г. византийцев в Константинополе. В XVI–XVII вв. Хорватия была оккупирована турками. Когда турки ушли с этих равнин, они удалились лишь на прилегающие территории Сербии и Боснии и

Герцеговины, где армия султана оставалась еще на протяжении 200 лет¹¹. Скульптор, возможно, с умыслом изобразил Томислава в таком виде: для того чтобы западный католический народ выжил на Балканах, на полуострове, где сначала доминировали православные христиане, а потом мусульмане, он должен был ожесточить свою душу так, чтобы не осталось ни одного не защищенного броней уязвимого места.

В 1089 г. Крешимир, последний из королевской линии, восходящей к Томиславу, умер, не оставив наследника, и Хорватия (вместе с Адриатическим побережьем Далмации) оказалась под властью венгерского короля Ладисласа I. Опасаясь Венеции, союзницы ненавистной Византии, Хорватия и Далмация на самом деле с удовольствием перешли под протекторат Венгрии. Они не возражали и против вмешательства Ватикана, который тоже был полезной защитой от Византии. Эта психологическая схема формировалась и далее: в 1278–1282 гг., когда появились альпийские владения Габсбургов, и в 1526–1527 гг., с экспансией Габсбургской империи в Венгрии и Хорватии. Страх перед Востоком, символом которого был Константинополь – византийский или турецкий, толкнул хорватов в руки католических пап, венгерских королей и австро-габсбургских императоров. Короли и императоры использовали хорватов как обычных колониальных подданных и обеспечивали психологическую поддержку хорватской враждебности по отношению к православным сербам вопреки усилиям таких католических теологов, как Штросмайер, объединить эти два этноса.

Для католических властителей Европы, как и для многих хорватов, не имело значения, что сербы и хорваты – братья-славяне. Сербь были восточным православным народом и, следовательно, представляли такую же часть ненавистного Востока, как и турки-мусульмане.

«Сербь и хорваты, если говорить о нации и языке, изначально один народ, и два названия просто указывают на географическое положение», – пишет британский специалист Невилл Форбс в своем классическом исследовании 1915 г. о Балканах. Если бы не религия, для враждебности между хорватами и сербами практически не было бы никакой почвы.

Но в данном случае религия имеет большое значение. Поскольку католицизм возник на Западе, а православие – на Востоке, различия между ними сильнее, чем, скажем, между католицизмом и протестантизмом или даже между католицизмом и иудаизмом (который благодаря диаспоре также развивался на Западе). Если западные религии придают особое значение идеям и делам, восточные религии акцентируются на красоте и магии. Служба в восточной церкви – почти физическое воссоздание рая на земле. Даже католицизм, наиболее барочная из западных религий, по меркам восточного православия аскетичен и интеллектуален. Католические монахи (францисканцы, иезуиты и прочие) ведут активную жизнь, принимают участие в таких мирских занятиях, как преподавание, литературная и общественная деятельность. Напротив, православные монахи тяготеют к созерцательности, труд для них почти помеха, поскольку отвлекает от поклонения божественной красоте.

Такие различия на протяжении веков порождают конфликтующий подход к повседневной жизни. В кафе на улице напротив Загребского собора один мой приятель-католик пояснял: «Когда я пошел служить в югославскую армию, я впервые в жизни встретился с сербами. Они мне рассказывали, что традиционная сербская свадьба длится четыре дня. Четыре дня для молитв и празднования. Кому это надо? Одного дня вполне достаточно. После этого надо возвращаться к работе. Сербь для меня странные люди, иррациональные, как цыгане. Им действительно нравится армия. Как можно любить армию? Я ее терпеть не могу. Армия для словенцев и хорватов – пустая трата времени. Вместо этого мы могли бы зарабатывать деньги. И кто хочет ехать в Белград? Белград – это третий мир. Вена мне гораздо ближе».

¹¹ Босния и Герцеговина – два соседних региона, которые слились воедино. Строго говоря, Сараево находится в Боснии, где происходило большинство боевых действий во Вторую мировую войну и в 1990-е гг., о чем я уже говорил. *Авт.*

А Карла Кунц-Цизель, переводчица романов Джона Стейнбека на хорватский язык, сообщила мне с сознательной гордостью: «Я чувствую себя ближе к Вене, чем к Белграду. Загреб – это еще Европа. Помню, после последней войны Лоуренс Даррел, британский писатель, который в то время работал в британском посольстве в Белграде, каждые выходные ехал на своем джипе пару часов по пыльной ухабистой дороге, после чего восклицал: «Слава богу, Карла, я снова на Западе».

Какими бы эксплуататорами ни были габсбургские австрийцы, как бы хорваты ни жаждали от них освободиться, в Хорватии блеск Вены всегда был символом Запада и католицизма, и по этой причине хорваты простили габсбургской династии все ее грехи.

Для современных хорватов Габсбурги представляют собой последний нормальный и стабильный период в истории Центральной Европы перед кошмарным провалом нацизма и коммунизма. Но хорваты забывают, что до нацизма и коммунизма образованные личности мало что могли сказать хорошего о Габсбургах. Как писала дама Ребекка, «это семейство, с того самого несчастного дня 1273 года, когда собравшиеся князья Римской империи выбрали Рудольфа Габсбурга королем Германии на основании его заурядности, и до Карла I, отстранившегося от управления государством в 1918 г., не произвело на свет ни одного гения, не считая таких способных правителей, как Карл V и Мария Терезия; в остальном это были все тупицы, слабоумные или психопаты».

На самом деле богатство габсбургских Вены и Будапешта строилось на костях их славянских подданных. В ответ на периодические восстания волнения подавлялись сочетанием массовых казней и таких коварных методов, как предоставление сербскому меньшинству в Хорватии особых привилегий с целью настроить хорватов против сербов. Современные хорваты предпочитают от этого отмахиваться, но начиная с середины XIX в. их предков очень увлекала идея «южнославянской» федерации с сербами, независимой от Австро-Венгрии. Эта мысль укрепилась в 1878 г., когда на Берлинском конгрессе Габсбурги прибрали к рукам прилегающие территории Боснии и Герцеговины (только что освободившиеся от турецкого ига) и вскоре продемонстрировали, что способны править столь же жестоко, как турки. В 1908 г. Габсбурги формально аннексировали Боснию, население которой составляли мусульмане-славяне, хорваты и сербы.

Гаврило Принцип, убийца престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда, был боснийским сербом. Габсбурги-католики отреагировали на гибель Франца Фердинанда захватом сотен сербских крестьян православного вероисповедания, которые знать ничего не знали об убийстве престолонаследника, и казнили их. Затем Габсбурги объявили войну Сербии, после чего началась Первая мировая война. «Война австрийской армии началась с полевых судов, – пишет Йозеф Рот в романе «Марш Радецкого», посвященном закату империи Габсбургов. – По целым дням висели подлинные и мнимые предатели на деревьях церковных дворов, наводя ужас на всех живущих»¹². Габсбургская империя скончалась точно так же, как и безмерно презираемая ею Османская империя: среди хаоса жестокостей, направленных против ряда мелких стран, борющихся за свою свободу.

Однако к 1930-м гг. хорваты обо всем этом забыли. Века габсбургского правления убедили хорватов, что в культурном смысле они превосходят сербов. Таким образом, когда после Первой мировой войны сербскому королевскому дому Карагеоргиевичей передали власть над хорватами в новообразованном государстве Югославия, в Хорватии к общей ненависти присоединилась и жажда мести. В 1934 г. произошло преступление, из-за которого дама Ребекка впервые услышала о Югославии: хорватские террористы-ушасты организовали убийство короля Югославии серба Александра Карагеоргиевича. В 1980-х и начале 1990-х гг. появилась популярная ревизионистская теория, согласно которой Габсбурги созда-

¹² Перевод Н. Ман.

вали миролюбивый климат этнической толерантности, но в Хорватии толерантность явно не является частью этого наследия.

Ватикан также несет свою долю вины. Самые сильные стимулы для формирования антисербских настроений в Хорватии всегда исходили от Римско-католической церкви, которая предпочитала, чтобы хорваты-католики находились под властью их единоверцев из Австрии и Венгрии, нежели оставались меньшинством в государстве, где господствуют сербы, исповедующие восточное православие и по исторически сложившимся причинам психологически близкие русским большевикам. Ватикану никогда не нравилась Югославия, даже до Второй мировой войны, когда страна не была коммунистической. И, отказываясь ступить на югославскую территорию до тех пор, пока ему не будет позволено публично помолиться у гробницы символа (противоречивого и для многих скомпрометированного) хорватской набожности Алоизия Степинаца, папа Иоанн Павел II на протяжении 1980-х гг. демонстрировал явное равнодушие к коллективной памяти православных сербов, а также евреев и цыган, для которых Степинац сделал слишком мало и слишком поздно. На протяжении десятилетий Ватикан судил и вознаграждал исключительно с позиций антикоммунизма, тем самым откладывая обсуждение его исторической роли в широком масштабе и поведения в этой части мира. Но так больше продолжаться не может.

Я уходил под дождем от памятника Томиславу, мимо здания Художественной галереи в неоклассическом стиле, с фасадом желтым, как на старых дагеротипах. За галереей, в глубине усыпанного палой листвой парка, скрывался памятник епископу Штросмайеру.

Скульптор изобразил Штросмайера с рогами, как Микеланджело – Моисея. Высокая, жилистая фигура, воплощающая в себе внутренний свет и силу, заставила меня подойти ближе, словно бронза была реальной теплой плотью. «Мы оставили прекрасную статую улыбаться под проливным дождем», – вспоминала дама Ребекка о своем посещении этого места.

Скульптором, изваявшим фигуру Штросмайера, был Иван Мештрович, тот самый Мештрович, который много лет спустя, в 1960 г., сделал надгробие на могиле другого местного патриота – Алоизия Степинаца. И в этом нет противоречия. Мештрович лично был свидетелем благородного поведения Степинаца. В 1943 г., во время краткого визита к Степинацу в Рим, Мештрович уговаривал того не возвращаться в Хорватию, где его жизни угрожала смертельная опасность. Степинац ответил, что уже смирился с судьбой: если его не убили усташи, то убьют коммунисты. Изначально проявив полнейшую политическую слепоту, архиепископ жестоко применил к себе справедливый урок «черной овцы» и «серого сокола»: он был готов стать жертвенным агнцем, и не из самоуверенности, а ради защиты других.

История этого города, украшенного глубокой сединой, действительно претерпела множество изменений. Свое собирался внести и папа Иоанн Павел II¹³. Если бы папа посетил этот аванпост западного христианства, такой близкий и такой далекий от Ватикана, он бы мог переломить традиционное отношение Ватикана к Югославии и принести исцеление и примирение. Я стоял под холодным дождем перед памятником епископу Штросмайеру, поклоннику Кирилла и Мефодия, испытывая уважение к нему и в глубокой уверенности, что папа мог бы преклонить колени именно перед этим памятником, а не перед тем, что установлен в Загребском соборе.

¹³ На конец 1992 г. не было официальных планов папского визита в Загреб. Но, учитывая географическую близость этого католического города к Ватикану и страдания, которые выпали на долю хорватов в ходе гражданской войны, кажется вполне вероятным, что папа нанесет сюда визит в текущем десятилетии. *Авт.*

Глава 2

Старая Сербия и Албания: балканский Западный берег

Мать Татьяна подняла руку, загораживая глаза от луча солнечного света, и сказала: «Здесь наследие сербского народа».

Со стены северного придела на меня осуждающе смотрели глаза Иоанна Крестителя. Иоанн был изображен выходящим из Иудейской пустыни. Длинные космы волос и бороды напоминали сплетенные клубки змей; изможденное голодом тело изображено в художественной манере, характерной для Эль Греко и Уильяма Блейка. Ни один западный художник, ни одно произведение итальянского Возрождения не могли повлиять на способность малоизвестного сербовизантийского мастера XIV столетия понять и, соответственно, передать образ Иоанна Крестителя в этой церкви Святого Марка¹⁴. «Сам Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а пищею его были акриды и дикий мед» (Мф. 3: 4). Лик Иоанна, озаренный откровением, светился, как пламя в апсиде: не человек вовсе, а бестелесный, огнедышащий дух в человеческом обличье.

Поскольку Иоанн крайне стремился испытывать физические страдания, он их не чувствовал. Эта специфическая восточная особенность дает отправную точку для понимания того, почему сербы вели себя именно таким образом в этом столетии.

Мать Татьяна вела меня дальше. Ступени круто спускались под сводчатые цилиндрические арки. Было ощущение, что земля расступается перед нами.

«Здесь наши корни, наша вертикаль». Фразу ее можно было понять и в буквальном, и в переносном смысле. Центральный купол опирается на четыре колонны высотой около 12 метров, что с учетом их близкого расположения создает ощущение головокружительного, сужающегося кверху пространства. Я смотрел сквозь клубы ладана на сотни и сотни живых образов, не менее ярких, чем Иоанн, облаченных в багрово-гранатовые одеяния, с трагическими золотистыми лицами цвета умирающей осенней листвы. Представьте простоту и монументальную грацию классических греческих скульптур, наложенную на роскошество восточных ковров. Если на земле существует отображение рая, то оно находится здесь, в сербском монастыре Грачаница.

Какое «богатство, не поддающееся исчислению, – воскликнула дама Ребекка, стоявшая на этом же самом месте более полувека назад. – Наша чаша не была пуста, но она никогда не была наполнена так, как в этом мире, где Азия встречается с Европой».

Покинув кажущиеся безграничными темные недра храма через двери нартекса, я попал в другого рода тишину, подчеркнутую перезвоном колокольчиков овец, пасущихся на лужайке, и щебетом ласточек, гнездящихся в щелях тонкой кирпичной кладки. Снаружи церковь кажется почти крохотной. Идеально организованная вертикаль четырех бледно-голубых куполов, вплотную окружающих узкий, возвышающийся над ними пятый, вызывает очень привлекательную архитектурную иллюзию: то, что кажется изящно малым снаружи, видится бесконечно большим изнутри.

Грачаница, Печ и три десятка других сербских монастырей определяют ландшафт Южной Югославии. Я приехал сюда с севера, прямо из Загреба. Я пытался понять остроту национальных проблем хорватов через их собор; то же самое я постарался сделать по отношению к Сербии через ее монастыри.

Сербские монастыри – наследие династии Неманичей, родоначальником которой в конце XII в. был великий жупан Стефан Неманя, создавший первое сербское государство,

¹⁴ Авторами изображения считаются либо Михаил Аstrapас, либо некий монах Евтихий, оба из Салоник. *Авт.*

независимое от Константинополя. При нем Сербия вошла в число наиболее цивилизованных стран Европы. Стефан уже мог написать свое имя, в то время как король Германии, император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса ставил лишь отпечаток большого пальца.

Сын Стефана Немани, странствующий монах, известный как святой Савва, стал основателем и организатором Сербской православной церкви. Поздний потомок Стефана Немани, король Милутин, в начале XIV в. превратил Сербию в великую христианскую православную империю, превосходящую Византийскую империю своего времени.

Милутин отличался необычайными мужскими достоинствами. Подобно королю Генриху VIII Тюдору, он был ненасытен к женщинам, выбирая новых жен и отправляя в отставку прежних в соответствии со своими сексуальными склонностями и имперскими амбициями. Каждое новое желание превосходило прежнее, по мере того как он захватывал южные и восточные земли и кооптировал архиепископов, которые благословляли очередные разводы и браки. Его сексуальные аппетиты можно сравнить лишь с его страстью к строительству и украшению храмов, которые, по его мнению, должны были обессмертить его так же, как и его многочисленное потомство. Милутин финансировал строительство храмов и дворцов в Константинополе, Салониках и по всей Сербии. Он дарил золото, драгоценности и иконы религиозным организациям даже в Иерусалиме и на священной горе Афон в Северо-Восточной Греции. На стене южного придела монастыря в Грачанице начертаны слова Милутина: «Я видел руины церкви Пресвятой Девы Марии Грачаницкой... построил на том же самом фундаменте и украсил ее снаружи и изнутри».

В период строительства Грачаницкого монастыря Милутин женился в четвертый раз на Симониде, дочери византийского императора Андроника II Палеолога. Чтобы не допустить армию Милутина в Константинополь, Андроник предложил ему свою шестилетнюю дочь. Милутин, не дожидаясь, когда девочка повзрослеет, немедленно консумировал брак. Тем не менее король сербов в некотором смысле можно считать более цивилизованным, чем его английского коллегу из династии Тюдоров: он всего лишь отказывался от предыдущих жен, но не умерщвлял их.

На королевских портретах на нижней стене Грачаницы Милутин уже дряхлый старик, а Симонида – взрослая женщина. Их лица тронуты смертельной бледностью. Один глаз Милутина выцарапан. Они смотрятся гораздо менее реальными, чем их короны, одежды, украшенные драгоценностями, и макет Грачаницкой церкви, которую король держит в руках. Сербовизантийский художник словно хочет сказать: человек смертен, но его материальные творения неразрушимы.

Грачаница со всеми ее фресками была построена в 1321 г., когда по ту сторону Адриатического моря только-только восходило солнце флорентийского Возрождения. На стенах Грачаницы я видел свидетельство чувства анатомии и телесной сексуальности (отсутствующего в других школах византийской иконографии, в которых тело – исключительно символ нематериального духа), вскоре достигшего своей кульминации в работах Микеланджело и Леонардо да Винчи. Но ни одному художнику Возрождения не удастся так же передать сверхъестественные и духовные черты, как это удалось средневековым сербам. Мать Татьяна не преувеличивала, когда говорила: «Мы стали бы более великими, чем итальянцы, если бы не турки».

Этот рефрен на Балканах слышится всюду. Дама Ребекка пишет: «Турки разрушили Балканы, и разрушения были столь велики, что их не ликвидировали по сей день. <...> Теперь, когда турки изгнаны, здесь высвободилось много эмоций по поводу Балкан, которые лишились своего законного занятия».

Если вы, подобно нобелевскому лауреату Иосифу Бродскому, рассматриваете коммунистическую империю как эквивалент Османской империи в XX в. со стрелкой историче-

ского компаса, указывающей на упадок, то вы можете увидеть движение восточного деспотизма на север, от Стамбула (бывшего Константинополя) к Москве, от султанского дворца Топкапы – к Кремлю, и понять, что дама Ребекка уже зафиксировала основные черты ситуации, которая сложится в 1990-х гг. в Сербии, на территории бывшей Югославии и в других Балканских странах. Теперь, когда коммунизм пал и Советы изгнаны, *здесь высвободилось много эмоций по поводу Балкан, которые лишились своего законного занятия.*

На протяжении десятилетий режима Тито у матери Татьяны были другие заботы, другие направления борьбы. Но сейчас, когда чума кончилась, она вернулась к борьбе с турками, хотя теперь называет проблему по-другому.

Поскольку сербы расселялись в лесистой и гористой местности, которую покорить было не так-то просто, и поскольку в географическом смысле они находились дальше от Турции, чем Болгария или Греция, османское иго в Сербии никогда не было таким абсолютным, как в этих странах. Всегда существовали подвижные очаги сопротивления, особенно в черной гранитной цитадели соседней Черногории. Но все-таки Сербия была недостаточно далеко.

Согласно сербской легенде, королевство Неманичей принесло себя в жертву турецким ордам, чтобы обрести новое царство на небесах. Тем временем на земле жертвенность Сербии дала возможность Италии и Центральной Европе остаться в живых и продолжать развиваться.

«Величие Италии и других европейских стран создано на наших костях, – с горечью говорит мать Татьяна. – Идем, – приглашает она меня, – я расскажу тебе о наших страданиях».

Я вошел в типичное турецкое здание под красной черепичной крышей, с желтыми каменными стенами и нависающими балконами, украшенными зеленью. Мать Татьяна назвала это «типично сербской» архитектурой. В Болгарии такие здания относят к «типично болгарской ревивалистской» архитектуре; в Греции – к «типично греческой». В гостиной было темно. Я сидел в пальто, спасаясь от холода. Под ногами лежал ковер в турецком стиле. Мать Татьяна в черном монашеском одеянии казалась силуэтом на фоне белых занавесок. Другая сестра налила из цилиндрического золотистого кофейника густой, очень сладкий турецкий кофе. Затем разлила по стаканчикам прозрачную монастырскую сливовицу. Мать Татьяна выпила залпом. Потом из темноты вновь показались ее крупные крестьянские руки.

– Я не пророк Самуил, но лучше умереть честно, чем жить во лжи... Я добрая христианка, но я не подставлю другую щеку, если какие-то албанцы будут выкалывать глаза соседям-сербам, или насиловать маленькую девочку, или кастрировать двенадцатилетнего сербского мальчика. – Она резко махнула рукой в районе бедер. – Ты знаешь про такие случаи, верно?

Я не знал, но кивнул утвердительно.

Мать Татьяна поставила локти на стол и наклонилась поближе. Мои глаза привыкли к темноте, и мне удалось впервые хорошо разглядеть ее лицо. У нее была яркая, энергичная внешность, высокие скулы и горящие материнские глаза. Это была представительная пожилая женщина, которая в молодости явно была привлекательной. Горящий взгляд одновременно был как-то расфокусирован, словно размазан религиозной страстью, как глаза святых на церковных иконах. Белые пальцы шевелились в ритме ее слов. Я вспомнил, что писал Джон Рид после путешествия по Сербии в 1915 г.: «Быстрый, гибкий слог сербской речи вливался нам в уши, словно струя свежей воды».

– Ты знаешь, – продолжала мать Татьяна, – что албанские мальчишки спускали штаны на глазах у наших сестер?

Я снова кивнул.

– Эти люди обескровили Сербию. То, что они нищие и безработные, – чистая ложь. Ты знаешь, они вписывают своих умирающих стариков в списки безработных. А плохо и грязно одеваются, потому что так у них принято. Албанцы хотят завоевать наш мир своей численностью. Ты знаешь, что ни один ходжа [албанский мусульманский священник] не войдет в дом семьи, где меньше пяти детей? А ты знаешь, что Азем Власи [албанский политик] – распутник, который живет с местной шлюхой? А ты кто по национальности? – внезапно переменяла она тему.

– Американец, – ответил я.

– Это я знаю, но все американцы – кто-то еще. Ты кто? Ты темный, ты выглядишь не так, как должен выглядеть настоящий американец.

– Я еврей.

– Ха-ха. Мне нравятся евреи. Но я все равно хотела бы тебя крестить. – Она рассмеялась, и лицо осветилось доброй улыбкой. – Меня восхищают израильтянки, которые берут в руки оружие. Если бы мне снова стало лет сорок, я бы тоже взяла в руки оружие. В Югославии нет веры. Настоящая вера осталась только в Сербии... Да, я знаю, я сербская националистка. Между нами и албанцами дальше будет только хуже, вот увидишь. Никакого примирения быть не может. – Мать Татьяна взяла мою руку двумя руками и стиснула, словно благословляя. – Я живу в этих стенах тридцать пять лет. У нас два гектара земли, мы обеспечиваем себя, выращивая свиней и овец. В 1539 году здесь был печатный станок. Там, – она показала рукой куда-то в сторону, – сплошная грязь и запустение.

Там – это то, что Джон Рид и Невилл Форбс в 1915 г., дама Ребекка в 1937-м и мать Татьяна сейчас называют Старой Сербией. «Иудея и Самария» сербского национального сознания, место, где все произошло, где зародилось королевство Неманичей, обрело свое величие и было уничтожено. Впрочем, в последние десятилетия эта священная земля демографически захватывается не турками, а их историческим приложением – албанскими мусульманами. И про этот регион теперь говорят не «Старая Сербия», а «Косово».

Тем не менее мать Татьяна по-прежнему ненавидит «турка». Если бы не культурная и экономическая тюрьма пяти веков турецкого владычества, коммунизм не мог бы так легко укрепиться здесь, а албанцы, возможно, никогда не стали бы мусульманами и не расселились бы в таких больших количествах на территории Старой Сербии.

У сербов, если говорить словами Элиаса Канетти, тоже есть свои «массовые символы». Точнее, у сербов даже два массовых символа – два огненных столба, которые определяют их национальное поведение и историческое предназначение. Оба восходят к династии Неманичей.

Первый (пониже) – это *средневековые монастыри*, хранилища искусства и магии, наиболее символический из которых – в Грачанице благодаря ее близости к другому (и более высокому) столбу – *Косову полю*, «полю черных птиц», где 28 июня 1389 г. турки нанесли решающее поражение сербам, оставив тела побежденных на растерзание птицам-падальщикам.

Многим народам 1989 г. запомнился как год окончания холодной войны и крушения коммунистической системы. Для матери Татьяны и еще восьми с половиной миллионов сербов этот год означает нечто совершенно иное: шестисотлетнюю годовщину их поражения.

Король Милутин умер в 1321 г., в тот год, когда его мастера-художники закончили расписывать фрески в Грачанице. Сербский трон перешел по наследству его сыну, королю Стефану Урошу, а еще через десять лет – внуку Милутина, Стефану Душану. Душан – ласковое уменьшительное от слова «душа», и от короля с таким именем можно было ожидать, что Сербия достигнет зенита своей славы. Душан санкционировал религиозные свободы и разрешил находиться при своем дворе чужеземным посольствам. Он создал налоговую систему и правовые нормы – кодекс Душана, – которые предполагали осуществление правосудия

судом присяжных. Империя Душана простиралась до границы с Хорватией на севере, до Адриатического моря на западе, до Эгейского моря на юге и до ворот Константинополя на востоке. В нее входили Босния и Герцеговина, Черногория, Албания, Македония, Северная Греция и Болгария. Если бы Душану не помешало вторжение венгров-католиков, что вынудило его передислоцировать свои силы на северо-запад, он мог бы провести осаду Салоник с последующим наступлением на Константинополь.

В 1354 г. Душан снова выступил в роли покорителя Византии. Власти Константинополя от безысходности позволили турецким армиям сосредоточиться на востоке, пройти Малую Азию и создать форпост на Галлипольском полуострове, что должно было помешать продвижению сербских войск Душана. Маневр оказался необязательным, поскольку на следующий год Душан неожиданно умер, но имел непреднамеренные последствия: турки остались на Галлиполи и использовали его для вторжения в Болгарию и Грецию. А спустя столетие, в 1453 г., поглотили и сам Константинополь со всей Византийской империей.

Сын Душана Урош оказался последним королем государства Неманичей. Как правитель он был слаб, и сербские феодалы укрепили свою власть за счет королевского двора. В 1371 г. Урош скончался. Чтобы отразить турецкую угрозу, сербская знать избрала национальным лидером князя Лазаря Хребеляновича. В последующие годы турки завоевывали все новые и новые территории на Балканах. Сербь представляли собой главную христианскую преграду в Европе для наступления мусульман, но Лазарь не получал особой поддержки от народов Центральной и Западной Европы. В 1389 г. произошло решающее сражение, которое определило судьбу Сербии и всего Балканского полуострова более чем на пятьсот лет – вплоть до Первой Балканской войны 1912 г.

Я ехал на север от Грачаницы. Дорога петляла между пологих, яблочно-зеленых холмов. Из кассетного магнитофона водителя лились буколически нежные звуки сербской народной музыки, балканский эквивалент мелодий Стивена Фостера. Пейзаж впереди превращался в плоскую, невыразительную равнину – Косово поле, «поле черных птиц».

В тот жаркий июньский день сербские рыцари выступали в боевом порядке, облаченные в тяжелые кольчуги, отливающие серебром и золотом. На шлемах развевались величественные плюмажи. Легковооруженные турки на неутомимых монгольских лошадях раскалывали ряды сербов на части, как партизаны, совершающие дерзкие выпады против регулярной армии. В отчаянной попытке спасти ситуацию сербский князь Милош Обилич перебежал к туркам. Когда его привели в шатер к султану Мураду, Обилич выхватил припасенный кинжал и заколол турецкого военачальника. Но военного эффекта это не дало. Командование немедленно перешло к наследнику Мурада Баязиду («Молниеносному»), который завершил разгром сербов и казнил их вождя Лазаря. (Через несколько лет Баязид уничтожит десятую часть населения другой восточной православной страны – Болгарии.)

Но в сербской поэзии легенда звучит иначе:

Сизый сокол пролетал по небу
От святого Иерусалима,
Ласточку в своих когтях держал он.

Это не был сизокрылый сокол,
Это был Илья, пророк гремющий,
И не ласточку держал святитель,
Богородицы он нес посланье.
Он отнес на Косово посланье;
Опускает царю на колени.

И само письмо проговорило:
«Лазарь царь, честной владыка сербов,
Выбирай, какое хочешь царство:
Предпочтешь ли ты земное царство
Или царство вечное на небе?»

Выбрал Лазарь небесное царство,
А земное царство он отринул.
Он воздвигнул на Косове церковь...

Причастил он и построил войско.
Тут на Косово напали турки.
Вот выходит против турок Лазарь,
За собою сербский князь выводит
Семьдесят семь тысяч храброй рати.

Был их подвиг хваленья достоин.
Все случилось по воле Господней¹⁵.

Попав в полную зависимость от Османской империи и влача жалкое существование с физическими страданиями, экономической эксплуатацией и бедной духовной жизнью, сербы исказили миф о благородной жертвенности. Они наполнили души мстительной горечью поражения. Это чувство поразительным образом напоминает то, что на протяжении столетий движет иранскими шиитами.

Ни Стефан Неманя, ни Милутин, ни Стефан Душан, ни даже святой Савва не вызывают столь ярких эмоций у сербов, как князь Лазарь. Станный персонаж, даже не принадлежавший к королевскому роду Неманичей, провел лишь одно сражение (которое проиграл); как пишет дама Ребекка, он «не сохранил свой народ и остался почерневшей мумией, которая после долгих скитаний нашла покой в монастыре на Фрушке-Горе» [холмистый регион к северо-западу от Белграда].

28 июня 1988 г. начались мероприятия в честь шестисотлетия героической гибели Лазаря на Косовом поле. Гроб с его мощами провезли по всем городам и деревням Сербии, после чего вернули в Раваницу, монастырь, где они находились изначально, до того как их пришлось перенести в монастырь Врдник на Фрушке-Горе. На всем пути при каждой остановке у гроба собирались огромные толпы плакальщиц в черных одеждах.

Сербь крайне чувствительно относятся к поражению Лазаря и его мученической гибели. Толпы визгливых плакальщиц, окружавших деревянный гроб с его мощами, напоминают траурные толпы у гробницы имама Хусейна, еще одного неудачника (но святого для шиитов), который был убит войсками халифа Язида в 680 г. в сражении на территории Месопотамии. Подобно шиитам, неперестроившиеся сербы, подобные матери Татьяне, не признают законность своих временных правителей, будь то османы или югославские коммунисты. В известном смысле они игнорируют реальный мир. Они верят, что недалек тот день, когда князь Лазарь на небесах вернет то, что ему по праву принадлежит на земле. «Каждый [сербский] солдат-крестьянин знает, за что сражается, – отмечает Джон Рид на фронте Первой мировой войны. – Когда он еще был ребенком, мать встречала его словами: «Привет, маленький мститель за Косово!»

¹⁵ Перевод Н. Гальковского.

Для матери Татьяны и многих других сербов Югославия Тито означала – как и прежняя Османская империя – лишь очередной заговор против сербов. Это объясняется тем, что югославский национализм, как определял его Тито (наполовину хорват, наполовину словенец), предполагал сокращение власти количественно доминирующих сербов с целью умиротворения других групп, прежде всего хорватов и албанцев.

Выделяя албанцам автономную провинцию Косово и определяя ей место в границах югославской республики Сербия, Тито надеялся удовлетворить чаяния как албанцев, так и сербов. Но сербы посчитали иначе. *Почему это мусульманские чужестранцы, которые только триста лет назад появились в Старой Сербии, на исторической родине наших предков, должны получить там автономию? Никогда!*

Коммунизм подсыпал соли на эту рану. Он утверждал, что сербы должны стыдиться всего, что было в их коллективном прошлом до прихода Тито, что такие персонажи, как Милутин, Душан и Лазарь, были «империалистами», что сербы, погибшие вместе с Лазарем на Косовом поле, повинны в «реакционном национализме»¹⁶.

Накануне битвы князь Лазарь провозгласил:

Каждый сербин сербского колена,
Сербской крови и сербского рода,
Кто не выйдет на Косово поле
И не будет на Косове биться,
Пусть наследников не ожидает.
Сыновей, дочерей не увидит.
От руки его не уродятся
Красное вино и хлеб пшеничный;
Пусть иссохнет род его проклятый!¹⁷

Я видел эти слова высеченными на мрачном, цвета запекшейся крови камне высотой около тридцати метров, установленном на продуваемом всеми ветрами холме с видом на Косово поле. Памятник располагается на постаменте, окруженном бетонными башенками в виде пуль. На постаменте – изображение меча и даты: «1389–1989». На каждой башне – свежий лавровый венок.

28 июня 1987 г., в годовщину поражения Лазаря, сюда приехал амбициозный лидер сербской коммунистической партии Слободан Милошевич. Он указал пальцем в определенном направлении – то, что мать Татьяна называла *там*, – и, как гласит легенда, поклялся: «Они никогда больше с вами такого не сделают. Никто больше не победит вас».

В этот момент толпа взорвалась радостными криками. Началось сербское восстание против Югославской федерации. Вскоре оно перебросилось и на другие республики. Сербь один за другим находили в себе мужество снимать вселяющие страх изображения Тито со своих домов и магазинчиков и заменять их фотографиями пухлощекого, круглолицего Милошевича. Единственный лидер восточноевропейской коммунистической партии конца 1980-х гг., которому удалось сохранить свою партию от развала, сделал это благодаря прямому призыву к национальной ненависти.

Милошевич лично распорядился возвести этот мрачный монумент на вершине холма. Когда он впервые указал пальцем на пятнистые, безликие холмы Старой Сербии, покрытые

¹⁶ См.: West R. The Agincourt of Yugoslavia // The Spectator. 1987. December 19–26. *Асм.*

¹⁷ Перевод И. Голенищева-Кутузова.

клубами дыма от близлежащей фабрики и перекрещенные линиями электропередачи, и произнес «Никто больше не победит вас», он прекрасно понимал, какой эффект произведут эти слова¹⁸.

Весной 1937 г. дама Ребекка побывала в этих же самых местах. Милошевич тогда еще не родился. Она увидела, что означает выражение «поражение отнимает все»:

Истертые, пустые холмы, которые во времена Милутина кипели жизнью... теряются в бескрайних просторах, и путешественник может проехать по ним многие мили, прежде чем встретится с приличной жизнью, где в изобилии изысканной пищи. <...> Когда была построена Грачаница, люди питались жирным мясом и дичью на серебре и злате. <...> Но, поскольку христиане проиграли битву на Косовом поле, вся эта жизнь исчезла. <...> Ничего... не осталось... следы ее прискорбно слабы, слабы, как тень от солнца, подернутого облаками.

Спустя сорок лет слово «поражение» – не просто историческая метафора автора. Это ошеломительная реальность, начертанная рядами черных, закопченных домов с проржавевшими металлическими трубами, хорошо видимых с холма над знаменитым полем битвы. У поражения есть даже имя: Приштина, построенная Тито, населенная албанцами трущобная столица «автономного» Косова, расположенная, словно умышленное оскорбление, между двумя массовыми символами сербов – Грачаницей и Косовым полем. Чтобы добраться от одного к другому, нужно проехать через Приштину.

Приштина была одной из нескольких столиц кочующего двора Неманичей. Дама Ребекка описывает ее как «скучную и пыльную деревушку», которую населяют «мужчины в одеждах западного образца, но более фантастических, чем любое крестьянское одеяние, потому что их портные впервые увидели костюмы только в зрелом возрасте». Сегодня, за вычетом кубистской архитектуры и рынков-толкучек, Приштина, население которой разбухло до 150 000 человек, та же самая «пыльная деревушка», полная мужчин, которые по-прежнему выглядят так, словно до вчерашнего дня не видели ни одного западного костюма.

Только оказавшись в Приштине, я осознал масштаб преступления, совершенного Тито и прочими султанами вплоть до Мурада.

На задних сиденьях автобуса, идущего на юг из Загреба, вокруг меня теснились албанцы с глазами пораженными трахомой. На них были потертые штаны с булавками в тех местах, где обычно располагаются застёжки-молнии. Они были мусульманами, но от всех несло перегаром. Даже в самых общепризнанно светских исламских странах это большая редкость. Как везде в Югославии, здесь на каждом шагу – порнографические журналы, и всюду из дешевых транзисторов на полную громкость звучит западный рок-н-ролл. Начался спор за место. Двое мужчин стали кричать друг на друга. К этому я уже привык. Потом они стали толкаться, и дело дошло бы до драки, если бы не вмешались окружающие. Такого я никогда не видел в мусульманском мире, где почти все насилие – политического толка. Внезапно мне стало тревожно. Такого чувства среди мусульман я никогда не испытывал, за исключением территорий военных действий.

Первым приветом Приштины оказалось множество деревянных ларьков, освещенных натриевыми лампами и прилепившихся к стенам блочных многоквартирных домов, как пьяные на изрытых ямами склонах холмов. Угольная пыль, смешиваясь с запахами цемента и помойки, забивала ноздри. Вспомнились пыльные, печеночного цвета пригороды Анкары и Стамбула. Приштина казалась отрывком не только турецкого прошлого, но и турецкого настоящего. Автобус по серпантину поднимался на вершину очередного холма. Гор-

¹⁸ На самом деле Милошевич произнес, в частности, такие слова: «Никто, ни сейчас, ни в будущем, не посмеет вас бить». Но легенда создала много вариантов сказанного. *Авт.*

лышко пивной бутылки, торчащей из кармана моего соседа, давило мне в спину. Показался новый домостроительный проект: мешанина из бурого кирпича, стекла и кафельных плиток, используемых для оформления фасадов.

«Гранд-отель» Приштины, самый высокий небоскреб города, имел под крышей гордые пять звезд. Лифт напомнил мне исписанную граффити туалетную кабинку. Замок в двери моего номера оказался сломан. Внутри сохранился запах прежнего постояльца – дезодоранта и дыма сигарет без фильтра. Желчно-зеленый ковер испещрен бесчисленными пятнами. Несмотря на кнопочный телефон, все звонки из отеля проходили через оператора, который втыкал штырьки с проводами в старинный деревянный ящик.

Коммунистическое правительство Югославии оснастило отель тремя ресторанами. Каждый зал вместимостью в пару сотен человек имел свой оркестр и одинаковое меню. Все три были пусты. Официанты и оркестранты сидели на длинных кушетках, курили и раздражались при виде каждого посетителя. Немногочисленные гости отеля предпочитали обедать и ужинать где-нибудь в других местах. Когда я задумываюсь, куда делись займы, выделенные в 1970-х гг. западными банками Югославии и другим восточноевропейским странам, я всегда вспоминаю «Гранд-отель» Приштины.

Проблема заключалась в том, что в конце 1960-х и в 1970-е гг. Тито и израильтяне мыслили схожим образом. Но Тито, будучи марксистом-ленинцем, действовал в более крупном и более сумасбродном масштабе. И те и другие считали, что, если ты что-то *сделаешь* для людей, они перестанут тебя ненавидеть. На Западном берегу Иордана израильтяне строили систему водоснабжения, прокладывали электролинии, создавали систему здравоохранения. Это повышало качество жизни и разжигало массовые волнения, подогреваемые демографической ситуацией и высокими ожиданиями. Разумеется, я чрезмерно упрощаю. Было множество различий между палестинской и албанской *интифадами*; но были и схожие черты, и знание одной помогало мне разобраться в другой. Ознакомившись с «Гранд-отелем», первый день в Приштине я провел, гуляя по улицам и изучая все остальное, что *сделали* Тито и его наследники для того, чтобы албанцы перестали ненавидеть сербов.

Выше на холме, над «Гранд-отелем», расположено здание библиотеки Приштинского университета, отделанное разноцветными мраморными плитами. Довольно дерзкое по замыслу сооружение, вызывающее одновременно ассоциации с пустыней и космической эрой, которое скорее можно увидеть на всемирной выставке или в университетском кампусе американского юго-запада. Библиотека располагается посреди огромного пустыря, усеянного битым стеклом и различным мусором. Пейзаж оживляют несколько коз и цыганских детей. Проходя по бурой земле мимо попрошайничающих цыганят, я сообразил, что единственный цвет, которого не встретить в Приштине, – зеленый.

За «Гранд-отелем» возвышается похожая на купол собора крыша футбольного стадиона и спортивного комплекса. А напротив спорткомплекса, словно чудовищный кожный нарост, – блочный многоквартирный дом с провисшими бельевыми веревками, к которому тоже прилепились базарные ларьки. Стрелки выхода со стадиона ведут на рынок – поле боя, усеянное горами мусора и перевернутыми и разбитыми скамейками. Я стоял там вместе с небольшой группой югославских журналистов и подразделением федеральной милиции. На милиционерах, набираемых преимущественно в Сербии, была сине-серая униформа и синие шлемы с металлопластиковыми забралами. Все были с автоматами. Неподалеку стояла бронемашина с работающим мотором, посреди улицы стратегически важное место занимал автомобиль с водометом. Футбольный матч только что завершился. Мы все ждали, когда со стадиона повалят толпы молодых албанцев.

На самом деле мы ждали очередного бунта, которые уже не один год происходили в Приштине. Если бы мир в 1980-х гг. уделял больше внимания этим бессмысленным бунтам, он был бы меньше удивлен той жестокостью, с которой сербы, доведенные до отчая-

ния неразрешимой дилеммой отношений с албанцами, обрушились позже на беспомощных хорватов и боснийских мусульман.

В конце XVIII столетия Эдвард Гиббон, глядя из Англии, охарактеризовал Албанию как «страну в поле зрения Италии, которая известна меньше, чем американская глубинка». Даже допуская, что в то время американская глубинка оставалась практически неисследованной, замечание Гиббона об Албании остается справедливым и для 1990-х гг.

Устроившиеся в своей горной крепости на Адриатике, как черные орлы, в честь которых их страна названа Шкиперией – «страной орлов», албанцы и в последнее десятилетие XX в. практически оставались загадкой. Подвергшееся тирании сталинского режима, 3,4-миллионное население Албании было готово бросить вызов всему миру.

Албанцы – потомки древних иллирийских племен, которые, по некоторым сведениям, появились на Балканском полуострове даже раньше древних греков и на тысячу лет раньше славян. Албанский язык, шкип, тоже по происхождению близок к тому языку, на котором говорили иллирийцы, и не похож ни на один известный язык. Жестокость и ксенофобия сталинистского режима, проводившегося лидером партизанского движения периода Второй мировой войны Энвером Ходжой, направленные против всего мира и против Югославии в особенности, имеют под собой некоторые исторические основания.

Сербы предпочитают об этом не говорить, но национальное развитие албанцев тоже было приостановлено турками. Единственным ярким пятном в их долгой, темной ночи неволи является личность Георгия Кастриоти (Скандербег), албанского офицера османской армии, который дезертировал, чтобы возглавить антиосманское восстание на родной земле, закончившееся успехом – созданием княжества Кастриоти. После его смерти в 1468 г. начался новый раунд османского владычества, но его пример вдохновил албанцев на множество смелых (хотя и безнадежных) актов сопротивления турецкому султанату, а также стал сюжетом поэмы Генри Лонгфелло и оперы Антонио Вивальди.

Во время Первой Балканской войны 1912 г. турецкое господство в Албании стало рушиться, но албанцы снова оказались один на один с более сильным врагом. Сербы, греки, болгары вторгались в Албанию под предлогом ее освобождения от турок, но на самом деле имея в виду поделить ее на сферы влияния. Встреча великих европейских держав 1913 г. привела к созданию независимого государства Албании, за вычетом мусульманской провинции Косово, которую захватили сербы.

Через год, в 1914 г., сербские войска снова вторглись на территорию Албании. Когда в страну затем пришли преследующие сербов австро-венгерские войска, албанцы их встретили с радостью. «В своей крайней беспомощности роскошь выбирать себе защитника им была недоступна. Они [албанцы] обратились бы за помощью к самому дьяволу», – пишет албанский автор Антон Логоречи в книге *The Albanians: Europe's Forgotten Survivors*.

Поражение и распад Австро-Венгерской империи везде на Балканах были встречены с радостью, но для албанцев это означало, что они утратили своего единственного друга и опять остались один на один с алчными соседями.

Вторая мировая война для Албании ничего не изменила. В апреле 1939 г. в Албанию вторглась фашистская Италия, что, по словам Логоречи, «едва ли вызвало хоть морщинку на водах умиротворения». Когда войска Муссолини в октябре 1940 г. вторглись в Грецию, греческий премьер-министр Иоаннис Метаксас заявил, что его войска будут бороться не только за возвращение греческих территорий, но и отвоюют Албанию. Албанцам, таким образом, пришлось сражаться не только с оккупантами-итальянцами, но и с греками-освободителями.

Летом 1943 г. режим Муссолини рухнул. На смену итальянским войскам в Албании пришли войска нацистской Германии. Сопротивление возглавил тридцатипятилетний Энвер Ходжа, который получил образование во Франции и там же стал сторонником коммунисти-

ческих идей. Он нанес поражение не только нацистам, но и всем албанским силам Сопротивления, не разделявшим его коммунистических взглядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.